

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДМИТРИЙ САМОХИН

МЕНЯЛА
ДУШ

Дмитрий Самохин

Меняла Душ

«Автор»

2005

Самохин Д.

Меняла Душ / Д. Самохин — «Автор», 2005

Все изменилось. Мир стал другим. Колумбия. Восставший из праха преступник... Нью-Йорк. Призрачный, уносящий в никуда лифт стоэтажной башни... Юпитерианская база. Загадочное исчезновение известного астронавта... Россия. Сенсационное открытие провинциального гения, так и не ставшее достоянием человеческой цивилизации... Ярославу Яровцеву, шефу службы безопасности, и Жнецу, бывшему киллеру, предстоит найти объяснения странным событиям, расшатывающим основы Мироздания. В этом им поможет настоящий африканский Шаман.

© Самохин Д., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	53
Глава 14	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дмитрий Самохин

Меняла Душ

Часть первая

МЕТАМОРФОЗЫ

Первая ведьма.

Мурлычет кот, зовет. Иду!

Третья ведьма.

Зов жабы слышу я в пруду.

Все вместе.

Зло есть добро, добро есть зло.

Летим, вскочив на помело!

Уильям Шекспир. Макбет

Глава 1

ЖНЕЦ

– Когда вы ожидаете поставку? – поинтересовался неизвестный.

– В пределах месяца, – ответил Иван Столяров, владелец оптово-розничных фирм, занимающихся продажей различных товаров от бытовой химии до элитных игрушек, а также двух заводов по производству упаковки для собачьих кормов.

– Товар вы повезете легально? – допытывался неизвестный.

– Думаю, что так.

– Тогда это через меня, – неизвестный расплылся в коварной улыбке. – Как только товар попадет на границу, вы меня предупредите. Товар пройдет, что называется, с минимальными потерями.

Неизвестный и Иван Столяров сидели за столиком в богемном ресторане «Великий Князь», что находился на крыше восьмидесятиэтажного здания отеля «Александр Невский». Отель возвышался в центре Санкт-Петербурга и выходил окнами на Неву. Он пользовался репутацией сверхдорогого. В нем останавливались правительственные делегации, почетные посольства, а также гости города, относящиеся к классу «звезд». Нередко в нем останавливался президент России, согласно традиции, сложившейся столетие назад, проводивший в культурной столице правительственные саммиты и встречи глав государств. Горожане отель обходили стороной. А вот ресторан, расположившийся на крыше здания, полюбили и часто приглашали деловых партнеров на переговоры. «Великий Князь» – это было модно. И предсказуемо.

Поэтому когда Жнецу заказали Ивана Столярова, каким-то боком не угодившего теневой власти города, он навел справки и выяснил, что Столяров готовится к крупному контракту по ввозу через таможенную огромной партии контрафактной продукции, лежащей вне пределов деловой ниши, которую занимал Столяров. Черным боссам это не нравилось. Где должны были пройти переговоры с большой шишкой из таможни, что прикрывал государственную часть операции, Жнец не знал, но догадывался. Конечно же, Столяров не преминет поразить таможню своим богатством и величием. Жнец узнал, что переговоры должны были состояться на исходе последней недели ноября. Более точного ориентира у него не было. Но и этой информации ему было достаточно.

Жнец подошел к вопросу обстоятельно. В своем деле он был уже не первый десяток лет и знал, как все устроить должным образом. За неделю до запланированной операции он впервые посетил «Великий Князь», заказал фирменные блюда и несколько часов в одиночестве со скупающим видом просидел в ресторане, демонстрируя свое благосостояние: то вытаскивал золотой портсигар и включал программу индивидуальной вытяжки табачного дыма, то демонстрировал проходящим мимо официанткам свои руки, унизанные массивными золотыми кольцами с крупными бриллиантами. Золотой браслет с вензелем, стягивающий правое запястье, также пускался в ход, как оружие прицельного боя. У официанток должно было сложиться впечатление о господине средних лет в строгом черном костюме, с седой головой, черными густыми усами, плавно стекающими в бороду, и добрыми отеческими глазами, что сидел за одним из центральных столиков, как о человеке богатом и щедром.

Жнец ловил на живца. Он чувствовал на себе любопытные взгляды девушек, которые скользили с подносами между столиков. В «Великом Князе» фирменным знаком было живое обслуживание. Владельцы ресторана отказались от киберов, используемых повсеместно, и телепорт-меню, доставлявших заказ мгновенно прямо на столик, а подошли к вопросу со вкусом, набрав штат щедро оплачиваемых девушек, которые прошли трехмесячные курсы официанток. Официанты – профессия ныне забытая, перешедшая в разряд милых сердцу раритетов.

За столиком Жнец высидел два с половиной часа. Методично расправился с пятью перепелками в ореховом соусе по-испански, напшигованных базиликом, с уткой в винном соусе со специями и кучей мелких блюд «на один укус», запив все бутылкой дорогого вина сорокалетней выдержки из Бургундии, и попросил счет. е оерхоперепелками по-испанскив оерховсердцу раритетов. анток. тазались от киберов, телепортоловой, черными густыми усами, пла К этому времени он уже чувствовал, что рыбка клюнула. Когда официантка, что обслуживала его весь вечер, положила перед ним пластиковую ленту счета, он потянулся за бумажником, извлек из него кредитную карточку и, положив ее на поднос, поинтересовался:

– Я могу узнать ваше имя?

– А зачем? – кокетливо спросила девушка.

Жнец пустился в длительные хвалебные излияния, смысл которых сводился к одному: «Вы совершенство. Как бы нам познакомиться поближе? Я в долгу не останусь». Девушка поняла его с полуслова и в течение двух последующих минут они договорились о встрече.

Ее звали Ольга. А насекомовидная фамилия – то ли Жукова, то ли Муравьева – для Жнеца не представляла никакого интереса. Как, впрочем, и сама девушка. От нее требовалось только одно: звонок с предупреждением, когда Столяров закажет столик. Жнец должен был узнать об этом непременно. Для получения этой информации он потратил несколько дней и ворох денег, не скупясь на подарки. И цели своей достиг. Ольга позвонила ему, когда Столяров забронировал столик. Наивная девушка и предположить не могла, что своим звонком она подписалась под собственным смертным приговором.

Жнец не оставлял свидетелей.

Пока Жнец готовился к операции, он тратил время на встречи с Ольгой. Он стал завсегдатаем «Великого Князя», старательно изучил внутренние помещения ресторана, прикидывая, где лучше привести приговор в исполнение. Столяров не был постояльцем отеля, чтобы по-тихому «слить» его в номере. Он приедет только в ресторан, а затем спустится вниз, где его тут же подхватит охрана. В ресторан Столяров охрану не брал. Да и разместиться ей здесь было негде. Бодигарды ждали хозяина за пределами ресторана. Это был шанс, которым Жнец и намеревался воспользоваться.

Встреча неизвестного со Столяровым подходила к концу. Они уже обсудили деловые вопросы и переключились на тихую дружескую беседу за рюмкой коньяка: от скачек, что регулярно проходили на ипподроме в Пушкине, до женского пола, в коем Столяров толк знал, как, впрочем, и в лошадях.

Жнец почувствовал, что настал час его выхода. На его столике громоздилась пузатая бутылка с виски, которую он успел ополовинить. Три таблетки специального поглотителя алкоголя, принятого им за полчаса до операции, способствовали трезвости ума и движений, но из-за столика поднялся совершенно пьяный человек.

Жнец двигался медленно, осторожно, раскачиваясь из стороны в сторону и делая акробатические, но правдоподобные движения. Он направлялся к туалету, но за счет покачиваний и переступаний с ноги на ногу, траектория движения изменилась, приблизив его к столику жертвы. Неподалеку от Столярова Жнец споткнулся, картинно стал падать и в последний момент ухватился за Ивана, что не помешало ему упасть, завалив мишень вместе со столиком.

Столяров, поднявшись с ковра, смачно выругался матом, но руку Жнецу протянул.

Тот пустился в путанные объяснения, потянулся за бумажником, но Иван остановил его.

Из рабочих помещений выскользнули киберуборщики, приступившие к зачистке места крушения пьяного посетителя.

Жнец панибратски хлопнул Столярова по плечу и продолжил движение.

Преображение произошло в туалетной кабинке. В помещение зашел пьяный человек, а вышел трезвый. Не возвращаясь к столику, Жнец потребовал счет возле окошка администрации, оплатил его и тотчас покинул ресторан.

Он спешил. У него было мало времени. Два заряда пластиковой взрывчатки размером с пятикопеечную монету, подсунутые в карманы Столярова, должны были сработать с минуты на минуту. Взрыв будет не сильным, способным лишь уничтожить мишень, но не причинить вреда ресторану. Разрушать такое чудное место, как «Великий Князь», Жнец не намеревался – все-таки памятник архитектуры, да и просто приличное место.

Жнец при выполнении своей работы всегда руководствовался принципом точечных ударов. Пострадать должна только мишень.

Выйдя из ресторана, он быстрым шагом дошел до скоростного лифта, вызвал кабину и взглянул на часы. До взрыва оставалось несколько минут.

Кабина скользнула на этаж. Раскрылись дверцы. Жнец вошел внутрь и назвал сорок четвертый этаж восьмой горизонтальный сектор. Эта часть отеля имела отдельную крышу, где располагалась парковка для машин посетителей ресторана и где Жнец оставил свой флаер.

* * *

Киберуборщики управились с последствием пьяного инцидента за считанные секунды. Официантки подняли столик, тотчас обновили блюда, которые еще не успели исчезнуть в желудках Ивана Столярова и его визави – таможенного чиновника Панкратия Кольцова.

Из рабочего кабинета примчался администратор ресторана – извиниться за случившееся. Он распорядился, чтобы ужин шел за счет заведения, а также приказал девочкам, чтобы они доставили на столик бесплатно бутылку выдержанного армянского коньяка. Разумеется, так же за счет ресторана.

Столяров вновь уселся за столик, поправив костюм, очищенный от перевернутой на себя еды кибер-уборщиком. Костюм был все еще влажный.

– Будем считать, что инцидент исчерпан, – предложил Столяров.

Администратор потерялся в блаженной улыбке.

– Вы бы проверили, как там поживает пьяный. А то он вам не только столик сметет, – посоветовал Кольцов.

Администратор подозвал официантку и распорядился, чтобы она навестила виновника случившегося и проследила, как бы он еще чего не натворил, но девушка лишь развела руками и сообщила:

– Он уже расплатился по счету и ушел.

– Да он же пьянящий! – поразился Кольцов.

А Столяров почувствовал волну ужаса, захлестнувшую мозг. Он внезапно понял, что это происшествие не было случайным. Все было подстроено! И то была последняя мысль, промелькнувшая в его мозгу. В следующую секунду бомбы сдетонировали.

Кровь брызнула в разные стороны, обдав горячим липким душем стоявших вокруг людей. Столярова буквально разорвало на куски. Администратор умылся красненьким. Официантка истошно завопила и упала в обморок, поскользнувшись в образовавшейся луже. А Панкратий Кольцов увидел, как с потолка падает какой-то предмет, и поймал его. Им оказалась голова Столярова, оторванная от туловища. Голова дважды хлопнула глазами и умерла.

Панкратия Кольцова скрутил сильнейший приступ рвоты. Его вывернуло прямо на оторванную голову Столярова.

* * *

Жнец оплатил просроченное парковочное время и, открыв сенсорным ключом дверь голубого флаера, забрался в кабину пилота. Активизировав систему управления, он плавно поднял машину в воздух.

Жнец торопился. Ему не терпелось убраться с крыши.

Наручные часы пискнули, приняв сигнал о приговоре, приведенном в исполнение.

Пора было уносить ноги, и как можно дальше от места происшествия. Жнец не сомневался, что через несколько минут все пути отступления будут отрезаны службой охраны отеля и телохранителями Столярова. Будут задействованы охранные системы «Перехват» и «Страж», но лиса уже выскользнула из курятника, предварительно обглодав петуха. До прибытия полиции ни один флаер не поднимется с парковочных площадок. Небо будет перекрыто и окажется недоступным. Сотни гостей отеля и десятки посетителей ресторана потеряют несколько часов, пока полиция не разберется в случившемся и не установит причину смерти бизнесмена, а также личность возможного убийцы. Но Жнец был готов к этому. Он предусмотрел все. Он был профессионалом своего дела.

Увеличив скорость флаера, Жнец встроился в свободный ряд третьего воздушного яруса и устремился к Петроградской стороне, где в плавающем доме в съемной квартире жила официантка Ольга с насекомовидной фамилией. Она должна была быть дома, и она ждала его.

Внеочередной выходной Ольга взяла по просьбе Жнеца. Он предложил ей сходить куда-нибудь в ресторан, посидеть тихо, а затем съездить в ночной клуб развлечься. Ольга предложила другой день, но Жнец настоял, чтобы она взяла выходной, поскольку он собирается улететь в Англию по делам на несколько недель. Ольга притворно опечалилась, но Жнец пообещал, что не забудет ее и вернется с подарками.

Он никогда не забывал своих жертв. Он помнил каждую. И с особым сакральным трепетом хранил память о них, точно согревал в своем сердце, где они продолжали жить. Он, отобравший у них жизни, продлевал их существование в своей душе.

Над Невой было оживленное движение. Транспортные потоки затмевали солнечный свет, который и так с трудом пробивался сквозь извечные свинцовые питерские тучи. Лишь крохи достигали вечного города, скользя по его серым каменным стенам. Если бы не работающие круглосуточно в разных режимах световые столбы, что колосились по всему городу, Петербург наслаждался бы сумраком. Световые столбы, тянущиеся по углам на высоту домов и заменившие вечерние фонари, дарили городу день и регулировали смену дня и ночи.

Провисев минут сорок в пробке, Жнец вырвался на простор и направил машину к Елагину острову, где жила Ольга. Парковый район состоял из нескольких десятков трехэтажных домов, парящих над мостовой на высоте метра. Оригинальный архитектурный ход для придания особого колорита спальному району оказался неудобен в эксплуатации. Не было места,

чтобы оставить свое авто. Лужайки перед домами оказывались недоступны, поскольку путь к ним преграждали массивные каменные лестницы, единственные видимые «цепи», связывающие округлые дома и землю.

Квартиры в домах сдавались. А сами дома принадлежали частным лицам. В одной из таких квартир и жила Ольга.

Жнец опустил флаер на лужайку перед домом и тут же заполучил штраф за парковку в запрещенном месте. Сообщение о штрафе поступило в почтовый клиент, установленный на бортовом компьютере корабля, лишь только флаер коснулся земли.

Жнец удостоил сообщение коротким взглядом, отметив, что теперь флаер придется бросить. После того как в квартире будет найден труп девушки, полиция моментально обнаружит выписанный штраф и идентифицирует летательное средство. Правда флаер не принадлежал по бумагам Жнецу. Он был выписан на школьного учителя астрономии из Пушкина, который в реальности вот уже две недели был мертв. Документы о его кончине не успели пройти по инстанциям, и Жнецу удалось зарегистрировать машину на мертвеца.

Покинув машину, он не запер ее и оставил охранные системы не включенными. Он был не против, если бы флаер кто-нибудь угнал. Одной проблемой стало бы меньше. А полиция устремила бы по ложному следу. Вбежав по ступенькам на парадное крыльцо, он коснулся большим пальцем правой руки сенсора. Дом узнал его, и открылась дверь. Ольга сама настроила замковую программу на любовника в ожидании встречи.

Проснулся интерком дома, связав гостя с хозяйкой.

– Ваня, это ты? – спросила Ольга, зевнув.

– А ты еще кого-то ждешь? – спросил Жнец, обольстительно улыбаясь в глазок смотровой камеры.

Ответа он не дождался. Распахнул внутреннюю дверь и направился к лестнице. Поднявшись на второй этаж, Жнец прижался к квадрату стены, который являлся единственной слепой зоной в доме и, вытащив из пряжки ремня крохотный шприц с иглой, спрятал его в ладони.

Ольга ждала его на пороге. Обвив шею любовника руками, она прильнула к его губам.

Жнец страстно ответил на поцелуй.

– Куда мы поедем? – слегка задыхаясь, спросила Ольга.

– Не знаю. Посмотрим. Ты готова?

– Сейчас. Добавлю последние штрихи к портрету и в путь.

Чмокнув его в щеку, она скрылась в ванной комнате.

Жнец закрыл входную дверь, притушил световые панели, и осмотрелся по сторонам. Скромная квартирка, но вполне приличная для девушки, которая прилетела в Петербург с Урала с грандиозными планами завоевать сердца людей, сделать карьеру, достичь высот в обществе. Честолюбивым мечтам суждено было разбиться о скалы чужой воли. И эта воля принадлежала Жнецу.

Он снял ботинки и, оказавшись босиком на теплом полу, бесшумно направился к ванной комнате, откуда доносился шум льющейся воды. Жнец осторожно приоткрыл дверь, почувствовал на лице водяную морось и шагнул внутрь.

– Кто там? – спросила Ольга.

Обнаженная она стояла спиной к двери за полупрозрачной занавеской в душевой кабине, подставив свое юное точеное тело теплым струям.

– Я, дорогая, – отозвался Жнец.

– Ты решил отложить ресторан до лучших времен? – лукаво спросила она. – Тогда иди ко мне!

Жнец ласково улыбнулся, в две секунды скинул одежду и вступил в кабину. Ольга прильнула к нему. Жнец заключил ее в объятия, намереваясь предаться последней любви, но внезапно чувство отращения овладело им.

Ждать дольше не имело смысла. Зачем продлевать агонию?

Шприц скользнул из ладони Жнеца, вонзаясь в шею Ольги. Она ойкнула, почувствовав легкий укол, сравнимый с щекотанием гусиным пером, и удивленно посмотрела на Жнеца.

– Что это было? – спросила Ольга.

Он не ответил и отстранился от нее.

Яд уже распространялся по ее телу. Кровеносные пути разносили гибель по юному организму. Через несколько секунд наступит финал. Жнец предпочитал держаться от смерти на расстоянии.

Ольга не понимала, что с ней происходит. Внезапно боль скрутила ее, и она согнулась, упав на колени. На губах выступила белая пена.

Девушка с ужасом посмотрела на Жнеца. Она еще воспринимала окружающее, еще могла чувствовать боль, но смерть уже взяла ее в свои цепкие лапы.

Жнец покинул душевую кабину, неспешно оделся, не обращая внимания на тихие стоны умирающей любовницы, проверил свежую почту, поступившую по спутниковой связи на внутренний экран цифровых очков, служащих одновременно и средством усиления зрения, и терминалом центрального компьютера Жнеца, установленного в его логове.

Писем было три штуки.

Первое – от заказчика. Он поздравлял киллера с отлично проведенной операцией по выведению тараканов, заведшихся на одном из его складов. Заказчик уведомлял Жнеца, что гонорар за проделанную работу уже поступил на соответствующий банковский счет. Его особо порадовал способ уничтожения тараканов. Заказчик хвалил Жнеца за усердие, проявленное при выполнении работы.

Второе письмо было из банка. Жнеца уведомляли, что его счет, открытый на имя Савелия Новожилова пополнился на двести тысяч рублей. Заказчик оказался на редкость щедрым. Он превысил условленную сумму гонорара на пятьдесят тысяч. Так бывало всегда, когда Жнец работал на этого человека. Он называл эти излишки «бонусами за оперативность».

Третье письмо поступило от отца. Он был священником, отцом-настоятелем прихода святого Николая Чудотворца. Отец прочил сыну великое будущее в служении Богу, но непослушное чадо избрало для себя иной путь, отличный от помыслов родителя. Отец осведомлялся у сына, когда он намерен его навестить, спрашивал о здоровье и сетовал на то, что сын забыл об отце и уже давно не заглядывал к старику.

Жнец удалил письмо отца из памяти телефона, испытав при этом чувство сожаления. Пробудившаяся совесть уколола его и тотчас снова уснула. Он отметил в памяти, что обязательно нужно заглянуть к отцу.

Обернувшись, Жнец отодвинул шторку и взглянул на скорченное тело.

Все было кончено. Очередной заказ успешно выполнен. Цель уничтожена. Свидетелей его причастности к произошедшему не осталось. Сняв очки, Жнец коснулся своей шеи, нащупав нужные места, слегка царапнул шею и почувствовал, как задралась кожа. Ухватившись за отставший клочок, Жнец стянул с себя искусственное лицо, создаваемое каждый раз перед очередным делом.

Положив маску в раковину, Жнец достал из кармана пиджака крохотный флакончик, размером с мизинец и, отвинтив колпачок, выплеснул его содержимое на маску. Раздался сухой треск, над раковиной поднялся пар, а когда он рассеялся раковина сияла чистотой. Теперь никто не сможет опознать в молодом седоволосом мужчине пьяного посетителя ресторана «Великий Князь», который за несколько секунд до гибели Ивана Столярова, имел честь повалять его по полу.

Развернувшись, Жнец вышел из ванной, обулся и выскользнул из квартиры.

Он осторожно спустился на первый этаж, вышел на крыльцо и обнаружил, что его флаер отсутствует. Все-таки угнали! Что ж, тем лучше. Меньше забот с уничтожением следов.

Постояв несколько мгновений в раздумье, Жнец направился в сторону Приморского парка Победы, где у него был шанс поймать такси. Он мечтал побыстрее добраться до дома, забраться в ванну и смыть с себя грязь проведенного дня, после чего за чашкой кофе посидеть перед телевизором, перескакивая с программы на программу и не отягощая голову лишними мыслями. А возможно он выйдет в виртуальное пространство и посетит храм Христа Спасителя в Москве, где публично исповедуется. Он поступал так неоднократно, закончив очередное дело. И отчего-то становилось легче.

Его профессия была ему в тягость. Но это была его профессия.

Он сам избрал свой путь.

Глава 2

Я. Я.

Здание банка «Русский кредит» было окружено ровными шеренгами полиции. Вооруженные автоматами Калашникова модификации «Х-1244», слезогонными винтовками и газовыми метателями, приспособленными для подавления уличных бунтов и восстаний, люди в голубой форме и бронежилетах, выглядели встревожено и не сводили глаз с главного входа в здание банка. Над оцепленной территорией барражировали три вертолета с полной боевой подвеской. В помещениях соседствовавшего с банком бизнес-центра «Витязь» был срочно развернут оперативный штаб.

Несколькими часами ранее группа вооруженных людей с черными и рыжими бородами, в военно-полевой форме с зелеными нашивками, ворвалась в здание банка. В считанные минуты все помещения банка были блокированы, сотрудники согнаны, точно стадо, на первый этаж и заперты в конференц-зале, предварительно расставшись с мобильными телефонами, пуговицами микрокомпьютеров и коннектами прямого подключения к глобальной сети. Стены конференц-зала оказались покрыты проводами, подключенными к мощным взрывателям, воткнутым на равном расстоянии в полосу плагида, проложенную по полу вдоль стен. Любое нарушение периметра вызвало бы детонацию.

Боевики неспешно очистили банк от наличных, которые тут же были загружены в флягер, стартовавший с крыши банка в неизвестном направлении. Когда о его существовании стало известно, машина оказалась брошенной в районе Всеволожска. След денег пропал. Безымянный виртуоз-хакер, пришедший с бандитами, перевел все банковские активы через офшорные счета в Швейцарии куда-то в Зеленый мир. Концы терялись в Афганистане, откуда денежный поток, без сомнения, устремился в дальнейший путь.

Операция оказалась тщательно спланированной акцией, направленной на единовременное пополнение счетов террористических идейных организаций, прячущихся под зеленым флагом. Бородачи продолжали удерживать банк, не в силах прорваться сквозь кордоны полиции. Оперативно сработал Антитеррористический Штаб Противостояния, а группа спецназа «Руслан» готовилась к проведению операции по устранению боевиков.

Ярославу Яровцеву выпала нелегкая роль: возглавить группу «Руслан» и провести зачистку помещений банка быстро и аккуратно – так, чтобы у боевиков не оказалось возможности нанести кому-либо ущерб. Заложники, запертые в конференц-зале, обложенном взрывчаткой, точно именинный торт свечками, так же не должны были пострадать. Такое распоряжение поступило от самого президента России. Спецназ мог применять одурманивающий газ, безвредный для человеческого здоровья, слезоточивые гранаты – в том, что заложники поплачут пару часов, никто великой беды не видел, – а также боевое оружие, но только прицельно против террористов.

Яровцев проводил последний инструктаж личного состава, готовящегося к штурму, когда в ушах раздался сигнал экстренного выхода из программы. Кто-то вызывал Ярослава в реальный мир.

Яровцев с сожалением коснулся рукой запястья, включая выгрузку из виртуального пространства, и зажмурился.

Он открыл глаза и выглянул из кокон-кресла. За окном было сумрачно. Мелькали тени проплывавших над домом флягеров и катеров, виднелся шпиль Адмиралтейства в ярком свете осветительных труб, и мигал вызов видеофона, одновременно посылая сигнал на пуговку приемного устройства, закрепленного в ушной раковине Ярослава.

Яровцев выпрыгнул из кокон-кресла и потянулся за пультом управления квартирой. Он испытывал сожаление по поводу того, что его вырвали из виртуальности. Полицейский симулятор, доставленный ему из ГУВД города, где у Ярослава был свой человек, так и остался не опробованным. А ведь на этом симуляторе предстояло тренироваться боевым группам полиции, нацеленным на подавление крупного вооруженного сопротивления и уличных беспорядков, а также полицейскому спецназу. Конечно, сюжетные комбинации симулятора оставляли желать лучшего. Рыжебородые бородачи, захватившие банк, выпотрошившие его, точно подушку скупердяя, а затем объявившие себя смертниками, к тому же во имя зеленого знамени, – комбинация выглядела несколько надуманной. Зеленые экстремисты, за все время объявленного еще в двадцатом веке джихада не наносили удара по северной столице. Да и последняя террористическая операция, проведенная боевиками, произошла лет тридцать назад. Ныне о них ничего не было известно. Мирный люд поуспокоился и малость привык к тишине, но полиция продолжала готовиться и тренироваться отражать атаки террористов.

Яровцев включил изображение видефона и подтвердил прием вызова. На экране появилась физиономия Семена Костарева.

– Ну, наконец-то! Совсем что ли уснул! Папочка требует всех к очагу. У него появилась тема для словечка.

– Что так срочно? – пробурчал Ярослав. – Я же кажется на выходном.

– Похоже, мы переходим на осадное положение. Твое включение требуется как никогда. Все подробности у Папы. Мы ждем тебя. Ты не задерживайся.

Изображение свернулось, а Ярослав испытал приступ апатии.

Отправляться к Папе не хотелось. Яровцев не подозревал, зачем шеф мог вызывать его, лишив свободного времени и затребовав начальника личной охраны пред светлые очи. Должно было случиться нечто экстраординарное.

Но что?

В подробности бизнеса Папы, Яровцев не вникал. Он занимался порученным делом, не мешая Папе ворочать свои.

Но раз команда переходит на осадное положение, стало быть, шеф кому-то изрядно насолил, что не удивительно в условиях того болота, в котором ему приходилось крутиться.

Яровцев собрался за две минуты. Наскоро переоделся в легкий костюм с встроеным в пиджак легким бронежилетом, активизировал ушную пуговицу внутренней связи и проверил в наплечной кобуре «Парабеллум-2080». Оставшись удовлетворенным собственным внешним видом, Ярослав покинул квартиру, активизировав на выходе «Стража». Поднявшись на крышу, где располагался паркинг, он неспешным шагом дошел до изумрудного скоростного флаера с бронированным корпусом, носящего имя «Юлий Цезарь», и с пульта отключил сигнализацию. Оказавшись в салоне, Ярослав включил стереосистему, загрузив на прослушивание файл с альбомом группы «Тяни-Толкай». Группа исполняла музыку в стиле жесткого металлического рока с психоделическими текстами готической направленности, что пришлось по вкусу Ярославу.

Он включил автопилот, выбрав в навигационной системе кратчайший маршрут собственной разработки до дома Папы, и откинулся в кресле, прикрыв глаза.

«Юлий Цезарь» плавно оторвался от крыши дома и стал набирать высоту, увеличивая скорость до разрешенного предела.

* * *

Дом шефа представлял из себя трехэтажный кирпичный особняк с четырьмя готическими башенками (по числу дочерей), парковочной площадкой возле дома, летним бассейном и тенистым парком. Территорию особняка окружал каменный забор, который был оснащен

сторожевой системой «Доберман» и блокпостами робоохраны через каждые сто метров. Дом, а также все хозяйственные постройки и забор, освещались прожекторами, так что заходящему на посадку «Юлию Цезарю» было видно парковочное место.

На парковке Ярослава уже встречали – собственный заместитель Сергей Зубарев и двое охранников, все из отряда специального назначения «Витязь». В руках охранников блестели черными стволами автоматы. Никогда раньше служба охраны не носила автоматы на вверенной ей территории! Автоматы имелись в оружейном секторе, но оттуда ни разу практически не извлекались.

– Что у нас стряслось? – спросил Ярослав, направляясь к лифтовому корпусу.

– Кто его знает? – посетовал Зубарев. – Папа никому ничего не говорит. Созвал общую сходку. Обещались прибыть четыре сына. Плюс вся семья. Похоже – что-то серьезное...

– Как у Папы настроение?

– Как ни странно – радужное. Такое ощущение, что он поймал самую крупную рыбину в своей жизни.

Яровцев с сопровождением вошел в лифтовой корпус, пересек его и углубился в правое крыло дома. Миновав несколько холлов и залов, он оказался на служебной лестнице, поднялся по ней на третий этаж и вышел уже в одной из башен-близнецов.

Папа его ждал. Он сидел в книжном зале во главе массивного дубового стола, покрытого черным лаком. Стены зала скрывали стеллажи с книгами и гобелены с рисунками на мотивы литературных сюжетов. Здесь был Фауст, склоненный ниц перед Вельзевулом, и Дон Кихот Ламанчский, штурмующий мельницы, и четверо мушкетеров, воздевшие над головами шпаги, и Анна Каренина, замершая на перроне в ожидании поезда, и Пьер Безухов в горящем Смоленске. Яровцев знал наизусть этот зал, гобелены и хозяина. Если шеф сидел во главе стола, значит, разговор предстоял серьезный и торжественный одновременно. Судя по выражению лица Папы торжественности не миновать.

В книжный зал вошел Семен Костарев, правая рука Папы, с подносом. На нём стояла бутылка с четырьмя бокалами и блюдо с зеленым виноградом.

– Очень рад тебя видеть, Ярослав, – поднялся из кресла шеф. – Подойди к старику, дай обнять.

Яровцев послушно исполнил просьбу, которая по сути являлась прямым приказом, и приблизился к Папе.

Папа был массивным человеком, похожим на медведя, с длинными седыми волосами, заплетенными на затылке в тугую косу, массивной квадратной челюстью, которую частично скрывала черная с проседью борода. Шеф сгреб Яровцева в объятия и сжал так, что Ярослав приготовился прощаться с жизнью, успев мысленно пожалеть о не составленном заранее завещании.

Выпустив его из объятий, Папа уселся обратно в кресло и рывкнул:

– Семен, чего ждешь?! Плесни-ка по одной!

Костарев не заставил просить себя дважды. Он опустил поднос на стол, откупорил бутылку и наполнил бокалы.

– Позвольте спросить, – приняв бокал, начал Яровцев, – по какому случаю праздник?

– Жнец. – промолвил зловещим тоном Папа.

Ярослав умолк. Отхлебнул вина, затем ухватил бутылку и наполнил бокал вновь.

Глава 3

ВСТРЕЧА С КРАСНЫМ

Платформа такси висела в нескольких метрах над асфальтом. Позади нее возвышалась витая чугунная старомодная ограда, разгораживающая территорию города и Приморского парка Победы.

Жнец неспешным шагом добрался до платформы и остановился перед стеклянной кабиной лифта, покрытой разноцветными граффити. Рядом мигал аварийными лампочками, посылая в эфир сигнал SOS, робот-уборщик, похожий на безголовую черепаху с десятком гибких манипуляторов, скользящих по рисунку. На рисунке была изображена сидящая девушка с длинными каштановыми волосами и большими наполненными слезами глазами. Робот приплясывал перед ней, силясь удалить рисунок. Из манипуляторов лилась очистительная смесь, но девушка словно не желала исчезать, растворяться в небытии.

Жнец ухмыльнулся.

Ему было интересно наблюдать за противостоянием города и «малевичей». «Малевичами» именовала себя молодежная группировка, которая занималась тем, что нарушала привычные устои городского быта. Эти ребята творили картины, зачастую абстрактные, и не признавали городские законы, запрещающие покрывать стеклянные кабины лифтов, кирпичные стены домов, вагоны метрополитена, рекламные щиты и прочие поверхности рисунками, как говорилось в законодательном акте, «порочащими облик города». «Малевичи» не были объединены в организацию, которая ставила бы себе целью подорвать устои общества. Это были молодые люди, чаще от двенадцати до восемнадцати лет, которые просто занимались творчеством. Они знали друг друга, но никогда не создавали никакой организации. Все их действия были стихийными, не поддающимися просчету. Они просто рисовали. Но роботы-уборщики уничтожали их картины. И «малевичам» это не нравилось. Они искали способы создать не уничтожимые рисунки. Добывали новые краски, не поддающиеся растворителям. Роботы терялись, когда не могли выполнить программу, и ломались, что вводило городской бюджет в незапланированные расходы. Специалисты-химики, работающие на городскую администрацию, создавали новые чистящие составы, способные бороться с нерастворимой краской, но через несколько недель, месяцев, история повторялась. В городе вновь появлялись несмыслимые творения «малевичей», роботы снова выходили из-под контроля, и Петербург опять покрывался густым слоем граффити...

Жнец собрался было подняться на платформу, но обнаружил, что робот-черепаха перекрывает ему доступ в подъемную кабину. Потолкавшись с минуту и попытавшись обогнуть робота, Жнец отступил. Пока уборщика не заберет аварийная команда, платформа такси оказывалась временно заблокированной.

Жнец прикинул, как далеко находилась следующая станция, поднял глаза к небу, пытаясь засечь свободную машину, светящуюся зеленым днищем, но ничего не увидел. Даже столбы с кнопками вызова пустующего флаера не могли ему помочь. У Жнца был выбор: либо идти до другой платформы, либо направиться к станции метро, либо остаться возле помешанного на живописи робота, дожидаясь, когда его заберет карантинная служба.

Жнец выбрал первый пункт. Он ненавидел ждать, а также не переносил подземелий, пусть даже и неплохо обжитых, к коим он относил станции метро. Он был человеком действия.

Платформа такси, к которой он устремился, находилась на другом конце парка. Чтобы ее достичь, ему предстояло пересечь Приморский парк Победы насквозь. Жнец вздохнул и направился к открытым воротам.

Он вошел на пустынную аллею, укрытую желтым ковром опавшей листвы, и неспешно побрел вперед. Он оглядывался по сторонам, но никого не видел в парке. Парк будто вымер. И

это было не удивительно. Ноябрьский холод уже дышал грядущей зимой. Деревья раскачивали голыми ветками, похожими на уродливые черные кости, сгибаясь под напором ледяного ветра. Кто в такую погоду в здравом уме решится на прогулку? Даже влюбленных парочек, которым и непогода нипочем, не наблюдалось.

Жнец сам того не заметил, как погрузился в размышления. Он совершил за сегодняшний день два убийства, и для него это было так же легко, как для доцента прочитать лекцию. Это была его работа. Сомневался ли он в правильности выбора профессии? Было ли ему жаль убитой Ольги? Нет! И уж тем более он не сожалел, что взорвал Столярова. Тот был дрянь человек, мусор, который Жнец убрал, уродливый граффити, зачищенный со стеклянной кабины лифта. Но девушка, в чем она провинилась? Умом Жнец понимал, что Ольга ни в чем неповинная жертва, но он ее не жалел. Она все равно была обречена в этом хищном городе. Прожила бы на столетия больше и превратилась бы в такой же человеческий мусор, как и Столяров. Научилась бы лгать, предавать, изворачиваться и убивать не делом, так словом.

Жнецу не было жалко людей. Он презирал их. Но на душе было мутно. Ему надоело убивать, так иногда писателю надоедают сюжетные композиции, слова, строчки, идеи, и он берет в руки посох, надевает сапоги, отвергая все, что создал ранее, и уходит из дома, подальше от самого себя.

Но несмотря на то, что Жнец испытывал отвращение к собственной работе, он не собирався ее бросать. Он олицетворял себя с живым воплощением смерти, которая неумолимо просеивала людскую массу, выжигая весь мусор и отбросы.

Из размышлений его вырвало острое ощущение ужаса, навалившееся со всех сторон.

Жнец резко остановился и замер. Он находился в самом сердце пустынного парка.

Свистел ветер, заблудившийся в костлявых кронах. Деревья размахивали ветвями, точно пытались предостеречь человека от непоправимого поступка.

Жнец обернулся по сторонам.

Пусто. Никого.

Но ощущение ужаса не пропадало.

Он повернулся назад, к дороге, чтобы продолжить путь, и обнаружил, что прямо перед ним стоит человек. Высокий, средних лет, черноволосый, со смазанным, расплывающимся лицом, точно размытым водой, и белесыми глазами, буравящими насквозь. Человек был одет в длинный до пят черный кожаный плащ с поднятым, прикрывающим горло воротником. Кожаные штаны и яркий красный шейный платок, выглядывающий из-под воротника плаща, удачно дополняли зловещий образ.

Жнец еще успел удивиться: как здесь оказался этот человек – ведь только что никого не было? Пустынная аллея... А в следующую секунду лавина страха обрушилась на последнее прибежище рассудка в глубине мозга.

Человек в черном окинул Жнеца оценивающим взглядом с головы до ног, а потом заглянул ему в глаза. Жнец попытался отвести взгляд, чтобы не провалиться в эту белесую бездну, и в тот же миг увидел в ней страшную и реалистичную картину.

Он увидел с высоты, точно был орлом, парящим над грядущим полем битвы, два воинства, стоящих друг против друга на равнине, окруженной высокими холмами. Две армии, ждущие команды для атаки. Закованные в латы рыцари с опущенными забралами и пышными разноцветными плюмажами на шлемах восседали на лошадях, покрытых броней и с черными кожаными квадратами, закрывающими глаза. Всадники были вооружены длинными копьями и тяжелыми мечами, пока еще вложенными в ножны. Массивные геральдические щиты прикрывали тела рыцарей.

Их было немного – несколько сотен.

Основную массу обеих армий составляли пехотинцы: легковооруженные воины с короткими мечами, одетые в чешуйчатые панцири – разменные фишки в любой войне. Круглые

легкие щиты, прикрывавшие корпус, могли лишь предохранить их от случайных ударов, но уберечь от смерти, открывшей на поле в этот день выездную торговлю, не могли. Некоторые воины были вооружены алебардами, булавами и боевыми топорами, явно трофейного происхождения.

Отдельными отрядами на холмах стояли арбалетчики. Им и предстояло начать этот бой. Прокричал петух.

Жнец физически почувствовал, как впиваются в него глаза незнакомца...

Взвились в воздух стрелы, затмившие пасмурное небо. И стало темно над полем, которому предстояло сегодня быть обильно удобренным кровью и мертвой плотью.

И Жнец вдруг понял, что армия, стоявшая под флагами с изображением фигуры в черном балахоне с косой, принадлежала ему. А другая, что стояла напротив, и чьи арбалетные болты сейчас приближались, рассекая воздух, к его отрядам, принадлежала белесоглазому человеку.

Жнец приказал, и воины подчинились. Вскинулись вверх щиты, прикрывая хозяев от надвигающейся смертоносной тучи. Стрелы обрушились на ровные ряды воинов. Болты пробивали щиты, дробили руки, разваливали шлемы, под которыми лопались, точно перезрелые кокосовые плоды, головы. Но все-таки армия выстояла.

Жнец приказал, и в небо поднялась ответная туча арбалетных болтов, которая пала на ряды противника. И в ту же минуту Жнец бросил рыцарскую конницу на врага. Железная лавина стремительно приближалась. И тут навстречу ей хлынул ответный поток стальной смерти. Две армии сшиблись в центре равнины. Раздался ужасающий лязг – оглушительный, закладывающий слух. Это тысячи мечей скрестились единовременно, высекая искры.

И пошла сеча.

Жнец стоял напротив человека в черном и не мог пошевелиться. Его взгляд сковывал движения, лишая свободы воли. Он раздирал его плоть, пытаясь ужом проникнуть внутрь. Но Жнец сопротивлялся. Он бросал все новые полки на несокрушимую армаду белесоглазого...

Падали рыцари с коней, пронзенные копьями. Когда копья ломались, из ножен вырывались мечи и обрушивались на врага до глубоких зазубрин, до сломанных лезвий.

Пот катился по лбу Жнеца. Он еще стоял на ногах, но уже перестал их чувствовать, а незнакомец пядь за пядью продвигал свой взгляд в глубину его глаз, проникая в его сущность...

Лопались головы, разрубались латы, под которыми оказывались хрупкие беззащитные тела. Падали мертвые пехотинцы, словно колосья ржи под раскаленной косой косаря.

А непорученные ряды противника медленно продвигались вперед, тесня армию с флагом, на котором была изображена сама Смерть.

Жнец держался из последних сил. Он понимал, что белесоглазый, кем бы он ни был, победил, и дальнейшее сопротивление бесполезно. Но он стоял, как металлический остов автомобиля, изъеденный насквозь ржой. Жнец стоял, дрожа всем телом, и чувствовал, как чужая воля проникает в него, как она проскальзывает под его телесную оболочку, просачивается куда-то в глубь, цепляет за душу и рвет ее изо всех сил.

Жнец попытался выкинуть чужой взгляд из себя. Взгляд, похожий на два луча лазера, уничтожающего Великую Китайскую Стену. Но на это усилие он потратил последние крохи жизненной энергии и покачнулся. Ноги более не принадлежали ему, сознание метнулось к небу, и Жнец упал спиной на кучу гнилых желто-красных листьев, непонятно каким образом оказавшихся за его спиной...

Глава 4

И МЕТРВЫЕ ВОССТАЛИ...

Папа торжественно извлек из ящика стола стопку газет, бросил ее на стол и отхлебнул из бокала.

– Читайте! – потребовал он.

Яровцев, Костарев и Зубарев разобрали газеты.

На первой полосе красовался заголовок:

«И ПОЛЕТЕЛИ ГОЛОВЫ»

«Ресторан «Великий Князь», что находится на крыше фешенебельного отеля «Александр Невский», пользовался репутацией богемного заведения. Здесь собиралась городская элита: депутаты и артисты, бизнесмены и деятели шоу-бизнеса, писатели и режиссеры. Позавтракать или отужинать на высоте восьмидесяти этажей, когда под тобой расстилается скрытый туманом огромный город, считалось престижным и создавало определенный имидж. Так было до сегодняшнего дня, пока в ресторане «Великий Князь» не случилось самое страшное и нелепое убийство, носящее явный характер заказного. Это убийство скажется не в лучшую сторону на престижности ресторана. Если служба безопасности отеля и ресторана допустили, что в самое сердце «Александра Невского» проник убийца, то и в другой раз они могут проворонить беду.

Это произошло около полудня, когда известный петербургский бизнесмен Иван Столяров общался с представителем таможенной службы, чье имя не разглашается по этическим соображениям. Общение проходило за легким завтраком. Что могло связывать крупного бизнесмена и таможенника, еще предстоит выяснить следствию. Но именно во время этой встречи произошел пренеприятнейший инцидент. Один из посетителей ресторана, находившийся в состоянии жестокого алкогольного опьянения, пытаясь добраться до туалета, опрокинул столик, за которым сидели Столяров и государственный чиновник. Пока сотрудники ресторана устраняли неприятную оказию, Иван Столяров был буквально взорван изнутри.

Сцена, достойная абсурдистских романов Михаила Булгакова: человек разлетелся на куски. При чем его голова еще продолжала жить несколько мгновений, будучи пойманной таможенным чиновником, пришедшим от увиденного в ужас. Ныне он поступил в институт Скворцово – Степаново для прохождения срочного курса реабилитации.

По факту убийства возбуждено уголовное дело. Пока следствие воздерживается от комментариев, но уже сейчас ясно, что данное преступление спланировано и осуществлено профессионалом своего дела.

Кому была нужна смерть Ивана Столярова? Вот вопрос, на который предстоит дать ответ следствию. Но мы можем сказать определенно, в городе опять начался передел сфер влияния.

Мы будем и дальше следить за тем, как проходит расследование этого убийства...»

Яровцев испытал прилив тихой злобы. Ну, чем шефу помешал Столяров?! Ну, ввез бы он в город крупную партию контрафакта, в котором, как поговаривали источники, в город должен был въехать героин. Распространил бы. Кто оказался бы в убытке? Как брали у Папиных распространителей, так брать и будут. Ведь только у Папы самая дешевая дрянь в городе, к тому же все копы под колпаком, и прикрытие в Законодательном Собрании. А Столяров со своей дурью, если бы и не погорел, то дважды на такую авантюру все равно не решился бы. Нахлебался бы героинового бизнеса по самое не балуйся... Нет! Папе надо было проучить наглеца. Как же оставить такое нахальство без внимания? Ведь Столяров, в конце концов, влез на чужую территорию... Теперь же стоило ожидать осложнений. Семья Боголюбовых, чьей негласной поддержкой пользовался Иван Столяров, попытается отыграть за его смерть. Поэтому – и усиленная охрана, и введенное в Папином поместье чрезвычайное положение. Папина прихоть, а охране расхлебывай! Но дело уже сделано, и теперь стоило ждать ответного удара.

– Обратите внимание на дату. Эта газета выйдет завтра. Но мы уже имеем на руках свежие номера, – довольно проурчал шеф.

Он пыжился от гордости, напоминая глупую рождественскую утку, которой предстояло взойти на праздничный эшафот.

– Мы можем праздновать победу! – объявил Папа и тут же потребовал повторить винца по новой. – Нам удалось подложить громадную свинью Боголюбовым. Они делали большую ставку на Столярова. Им очень хотелось, чтобы его бизнес начал работать. А мы бы понесли убытки и тем самым ослабили свои позиции. Но, как говорили в старину, враг не пройдет. Так поднимем же бокалы...

Напыщенная речь Папы была оборвана громкой автоматной трелью, донесшейся откуда-то издалека.

Яровцев встрепенулся.

В ответ чужой трели рыкнули автоматы охраны.

Не зря поместье перевели на военное положение!

Яровцев и Зубарев, не дожидаясь команды, метнулись из-за стола. Включив на ходу пуговицы переговорной сетки охраны, они с ходу вклинились в происходящее. Яровцев сразу разобрался в ситуации. Группа неизвестных лиц в составе восьми человек пыталась преодолеть заградительный периметр, когда сработала сетка охраны, извещающая о посторонних. Чувствуя, что терять все равно нечего и к их приходу подготовились, неизвестные открыли огонь. На их выпад охрана ответила незамедлительно, правда, допустила несколько ошибок, которые Яровцев тут же попытался ликвидировать.

Пока начальство было занято, охранники стянули все силы в один сектор, где наблюдался прорыв, ослабив тем самым остальные участки и подставив их под удар неприятеля.

Яровцев отдал ряд приказаний, пытаясь выправить положение, но в это время штурм поместья начался по всему периметру. На тех участках, где охраны не наблюдалось, противнику удалось преодолеть периметр, разобраться с системой «Страж» и рассредоточиться по парку, занимая удобные для обстрела поместья позиции.

Когда Яровцев оказался снаружи, он понял, что положение серьезнее, чем могло показаться изнутри. Боголюбовы решили всерьез взяться за Папу. Очень уж им не понравилось, что их ставленника убрали, при чем таким наглым образом.

Ярослав увидел охранников. Заняв позиции за укрытиями, они вели непрерывный огонь по точкам, где должен был находиться противник. Но их стрельба не приносила эффективного результата. Враг огрызался короткими очередями, и почти все они находили своего адресата.

Ярослав крикнул в эфир:

– Рассредоточиться! Рубежи не сдавать!

Ответом ему был сильный удар в голову. Пуля чиркнула по черепу, оторвав ухо. Ярослав рыкнул от боли и получил вторую пулю в ногу. Он рухнул на каменный пол, и сознание померкло, погрузив его во тьму.

* * *

Яровцев очнулся оттого, что его резко вздернули на ноги и попытались установить, словно он был памятником павшему начальнику охраны, отдавшему жизнь за хозяина. Ярослав открыл глаза и увидел перед собой недоумевающего Сергея Зубарева.

– Я еще жив? – спросил Яровцев.

– А ты что собрался умирать? – спросил Зубарев.

– Меня же ...

Ярослав хотел сказать, что его ранили, но бросил взгляд на пол, откуда только что поднялся и, кроме белых мраморных плиток, ничего не увидел. Ни капли крови, что было удивительно! Инстинктивно рука метнулась к оторванному уху и нашла его на месте.

Яровцев перекрестился и пощупал ногу. Она оказалась так же цела. Только память услужливо напоминала о том, как оторвало пулей ухо и продырявило ногу.

Зубарев увидел его движения и злобно ухмыльнулся.

– А как сволочи, еще лезут? – спросил Ярослав.

На что Сергей истерично расхохотался.

Яровцев посмотрел на него, как на умалишенного, но Зубарев поспешил объяснить свой поступок.

– А нет никого!

– Что отступили? – спросил Ярослав, приводя в порядок мятый костюм.

И чем это боголюбовские стреляли, что никаких следов от вошедшей в ногу пули не осталось?

– Нет. Зачем? Их и не было!

– Что значит, не было?! – не понял Яровцев и пристально посмотрел на своего заместителя.

Но от взгляда начальника, Зубарев не пожелал таять и признаваться, что учинил над шефом дурацкий розыгрыш. Он твердо стоял на своей позиции.

– Не было никого. Никто не нападал на Папину дачу...

– Я что-то не понял: это пока я без сознания валялся, вы здесь все умом спятили?

– Зачем, – возразил Зубарев, – мы практически все в нирване побывали. Всех я, конечно, не расспрашивал, но кто рядом со мной был, те все вырубались. Вот только что сражались, перестрелка шквальная была, а потом раз – и без сознания. Точно какая-то гнида свет вырубала. А когда сознание обратно проклюнулось – у кого как: у тебя вот почти одним из последних, – то тут уже никого и не было. Ни одного нападавшего! Ни одной стреляной гильзы! Все рожки в автоматах полные, словно мы и не стреляли вовсе. А те, кто ранен был, оказались целыми и невредимыми. Прямо как ты, Ярик!..

Ярослав пропустил мимо ушей панибратское обращение к себе, потому что сейчас было не до формальностей. Когда в округе творилась такая бесовщина, очень хотелось поскорее добраться до проводочного телефона, чтобы никакой несчастный случай с эфиром не вышел, и вызвать службу охотников за привидениями, или на худой конец позвонить батюшке, чтобы он с кадилом, святой водой и молитвенником приехал чертей гнать.

– С ранеными – это полбеда, – продолжал Зубарев. – А вот что делать с теми, кого в бою успели пощелкать. Ведь мертвяки восстать успели!

Ярослав невольно перекрестился вновь.

– Вон Володька Соколов. Ему одному из первых голову разнесло. А теперь поднялся с целой черепушкой и поклоны небесам бьет, что Господь Хранитель его с того света вернул. Говорит, что уже котел адский увидел, да чертей ораву, которая его за окаянный отросток в пекло тащила, да приговаривала: «на жаркое, на жаркое». Божится, что потребует расчет и пострижется в монахи, чтобы свои грехи искупить! – с каким-то болезненным азартом рассказывал Зубарев.

Когда он закончил, Ярослав смерил помощника презрительным взглядом и поинтересовался:

– Ты меня за идиота держишь?! Как мертвые восстать сумели? Что у нас, новый спаситель нарисовался, а мы проморгали? Ты вообще чувствуешь, что дело Армагеддоном запахло? Нам в таком случае всем в монахи стричься пора, при чем поротно, а Папу первым пропустить.

Его эскападу Зубарев явно проигнорировал, и Яровцев, поправив прическу и одернув пиджак, сменил тему.

– Как Папа-то? Его-то хоть не проморгали?

– Он у себя. С начала стрельбы из книжной залы не выходил. Заперся там с пятью бодигардами. До сих пор сидит.

– Папу надо навестить, – твердо сказал Ярослав.

Шефа Яровцев и Зубарев нашли в целости и сохранности за рабочим столом и в полном недоумении. Папа смотрел на видеофон с таким выражением, точно только что по аппарату общался с самим господином Дьяволом.

– Что стряслось? – спросил Ярослав.

Шеф икнул и беззвучно задвигал губами, но ничего произнести не смог.

– Врача! – рявкнул Яровцев в эфир.

– Столяров, сука, жив... – с усилием выдавил Папа.

Глава 5

СЛУЧАЙНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Прятаться в темном вечернем пустынном парке было страшно и весело одновременно. Страшно, потому что воображение рисовало жуткие картины с инопланетными монстрами, выползающими из тайных нор, или маньяком-убийцей, вышедшим на охоту. Почему-то маньяк представлял в виде страшного трубочиста, которого Патрик видел однажды в книге: с большой шляпой-цилиндром, в грязном дырявом сюртуке, заросшем черным густым курчавым волосом лицом и огромными клыками, торчащими изо рта. Трубочист должен был быть вооружен огромным ножом, размером со старинный мясницкий тесак, однажды виденный Патриком на уроке истории, когда учительница (она же классная руководительница) рассказывала об эволюции орудий труда.

Неподалеку хрустнула ветка.

Патрик вздрогнул и заозирался по сторонам, но никого не увидел. Только черные силуэты деревьев, превратившиеся силой воображения в чудовищ-великанов, тянули свои костлявые руки к затаившемуся на земле мальчику.

Каркнула ворона и сорвалась с ветки, осыпав паренька сухими листьями. Черной молнией птица метнулась к вершинам деревьев и пропала.

Патрик тихо перекрестился, вытащил из-под одежды на груди нателный крестик на тонкой цепочке и поцеловал распятие. Губы беззвучно зашептали молитву: *«Отче наш, иже еси на небеси...»*

Патрик Брюкнер был чернокожим, сыном француза-алжирца и русской. Ему исполнилось только десять лет. И в вечернем парке в ноябрьский холод он прятался потому, что пытался пройти обряд инициации, чтобы быть принятым в Клуб. Отсидживание в парке всю ночь было второй ступенькой в обряде. Первую Патрик преодолел пару часов назад.

Клуб был странным, но популярным объединением среди мальчишек. Возникший стихийно, он стал неотъемлемой частью подросткового образа мышления и повседневного существования. Взрослые, как слышал Патрик, называли их Клуб «малевичами», но что могло означать это слово, мальчик не знал. Он только понимал, что это как-то связано с их деятельностью. Тем, чем они занимались на улицах. Сами же ребята часто называли себя Новые Дикари или просто Дикари. Кому как не Дикарям свойственно совершать нелепые выходки, не вяжущиеся с привычным образом поведения, а затем пытаться это отразить в наскальных рисунках. За неимением скал в пределах Петербурга, ребята использовали любую пустую поверхность, которая подворачивалась им под руку.

Патрик же просто любил рисовать. Он делал это каждую свободную минутку, что появлялась, когда заканчивались уроки. Он рисовал карандашами и мелками, красками и из распылителя. Гелевыми ручками и электронным пером в школьных тетрадях, чьи поля украшали причудливые вязи, в которых можно было угадать готических грифонов, русалок, мышей, увенчанных коронами, и мудрых старцев с курчавыми бородами.

В Клуб Патрик попросился по нескольким причинам. Во-первых, потому что не хотел выделяться из общей массы ребят, которые бредили Клубом, во-вторых, потому что любил рисовать и романтика создавать картинки на стенах из баллончика его весьма привлекала, и, в-третьих, потому что его достали учителя и хотелось сделать хоть что-нибудь, что бы они, узнав о его причастности к этому делу, явно не одобрили бы.

Максим Кривошеев был старше Патрика на два года и был главным в их школьном Клубе. Все звали его Кривой за фамилию. Когда так его звали ровесники или ребята постарше, Кривошеев не обижался, но когда это ему говорил кто-то из малышни, он без разговоров давал по уху. После чего, если малец не понимал, продолжал воспитание, добавляя еще пару оплеух.

Кривошеев подходил к приему в Клуб новых рекрутов разборчиво. Каждому он предлагал вступительное испытание, исходя из индивидуальных особенностей новобранца. Но первым пунктом обязательно следовал рисунок. Выбиралось место в городе – оно присматривалось заранее. У Кривошеева была карта, на которой крестиками отмечались подходящие площадки для нанесения наскальной живописи. Патрику тоже нашли место, определили время. Сюжет картины, которую он должен был оставить после себя, Патрик мог избрать сам. Только баллончик с краской ему передал Кривой. И сказал, что эту краску ни один робот свести не сможет.

Краску ребятам добывали старшие товарищи. Клуб делился на старшее и младшее звено. Старшие уже учились в институтах и университетах. Младшие просиживали на школьных скамьях. Но краска всегда приходила от старших. И каждый раз по составу она отличалась от той, что использовалась раньше.

Патрик в этом ничего не понимал. Но вот его друг Коромысло – Сенька Коромыслин – в химии разбирался на уровне лауреата Нобелевки. Один из спреев он аккуратно вскрыл и изучил его составляющие. А также просветил Патрика о том, что их Клуб вовсе не то, чем кажется. Что над старшими есть свои управляющие, которым нужны такие рисунки на стенах, чтобы уборщики не могли с ними справиться. Но вот зачем это нужно, Коромысло не мог объяснить. Сам же наотрез отказался вступать в Клуб.

Кривой передал Патрику баллончик с краской, обозначил место для рисунка, а также предупредил, что за ним будут все время наблюдать. После чего спросил, когда Патрик хочет пройти второе испытание для вступления в Клуб. Второе испытание для Патрика Кривой придумал ужасное. Он откуда-то прознал, что мальчишка боится темноты и одиночества. Даже засыпает с включенным ночником и с открытой дверью, чтобы слышать, как в гостиной родители смотрят телевизор. И Кривой поставил Патрику задачу: провести вечер и ночь в парке. Патрик решил, что испытания надо проходить сразу, ничего не откладывая, и вопрос с выбором парка отпал за ненадобностью. Рядом с местом, где Патрик должен был оставить свой рисунок, находился Приморский парк Победы.

Патрик уже размышлял о том, что он скажет родителям и какую легенду придумать, чтобы предки отпустили его на целую ночь, когда Кривой выставил условие: родители всю ночь должны оставаться в неведении о том, где находится их сын. Если они что-нибудь узнают, испытание признается не пройденным.

Патрик был убит. Не сказать родителям! Он представил, как они волнуются. Как они сходят с ума от безывестности, и понял, что просидеть ночь в парке – это лишь половина испытания. Главное – выдержать, понимая, что в это время его родители не могут найти себе место, обзванивают морги и больницы, обращаются в соседний участок полиции, откуда их отправляют домой, сообщив, что их ребенок где-то загулял с друзьями.

Но Патрик все-таки решился. Он сказал Кривому, что готов на все, только ему нужно время, чтобы подумать над темой рисунка и съездить осмотреться на месте.

К парку его отвез Коромысло, у которого уже имелся собственный гравиикл. Всю дорогу он отговаривал Патрика от этого поступка, но чернокожий мальчишка стоял на своем: он должен быть таким же как все, ничем не выделяться. Коромысло ему возразил:

– Я же выделяюсь? И ничего.

Патрик с мудростью затравленного зайца взирал на друга и говорил ему:

– Тебе можно – ты белый.

Отговорить Патрика не удалось. Вместе с Коромыслом они обошли парк, присмотрев Патрику схрон, в котором ему предстояло провести ночь. Осмотрели стеклянную кабину лифта, которая скользила вверх к платформе, где останавливались флаеры такси. И кабинка Патрику понравилась. Он сразу увидел картинку, которая должна украсить это место. Девочка, которая часто являлась ему в мечтах. Красивая девочка с голыми ногами. Она сидит, обняв

коленки и плачет. А позади нее, просвечивая сквозь стекло кабины, возвышается ноябрьский лес.

Настал час испытания. Патрик дождался вечера и отправился на дело, прихватив теплую одежду в рюкзаке и баллончик с краской. Перед уходом, он набрал номер Коромысла и увидел друга. Патрик позвонил ему только с одной целью. Он попросил, чтобы вечером тот пришел к его родителям и попросил бы их не беспокоиться. Не вдаваясь в подробности, Коромысло должен был заверить их, что с сыном ничего не случится. Он вернется утром.

Просьба Коромысла не понравилась, но он согласился ее выполнить.

Патрик нарисовал на стене кабины то, что задумал. Картинка ему удалась. Он почувствовал это, лишь только нанес последний штрих. Она радовала его и было обидно, что и это произведение исчезнет под натиском холодной бездушной машины. Если роботу-чистильщику не удастся ее свести, то стекло просто заменят. И рисунок все равно будет уничтожен. Не пойдешь же договариваться в службу по уборке улиц, чтобы снятое стекло с рисунком, отдали автору. Все равно ведь уйдет на переплавку.

Чтобы сохранить о рисунке хоть что-то, Патрик прихватил с собой цифровую камеру. Сделал несколько обычных снимков, а потом снял галлограмму. И остался доволен проделанной работой.

Потоптавшись несколько минут возле рисунка, Патрик отправился в парк. Ждать вечера не имело смысла. Из дома он прихватил наладонник, вызвал из памяти книгу, заданную по школьной программе, и, укрывшись в схроне, стал читать.

Его укрытие представляло из себя небольшую яму, в которую ссыпали собранные в парке листья. Потеплее одевшись, Патрик зарылся в листья и погрузился в чтение.

Книга его интересовала мало, и вскоре он закрыл файл и вызвал игрушку в жанре «ходилки/бродилки/леталки/стрелялки», но и это развлечение ему вскоре надоело. Он вышел из игры и загрузил фильм. Что-то историческо-приключенческое, рассчитанное на его возраст. Он просмотрел половину фильма, но в итоге его сморило, и он задремал.

Патрик проснулся, когда стемнело. Вечер окутал парк непроницаемым плащом сумрака. А самое страшное это вовсе не темнота, а сумрак! Когда еще проступают очертания предметов и в них видится что-то страшное и чудовищное.

Патрик посмотрел на часы и обнаружил, что до ночи еще далеко, и надо как-то убить время. Он попытался повторить программу с чтением, игрой и фильмом, но парк притягивал к себе внимание, пытаясь напугать паренька.

Отложив наладонник, Патрик наблюдал за вечерним парком, ожидая от него подлости...

Послышались шаги.

Патрик встрепенулся и выглянул из укрытия.

Кто-то торопливо шел по аллее.

Схрон Патрика располагался неподалеку от аллеи, и ему было прекрасно видно, что на ней творилось.

Через парк шел человек в деловом костюме, выглядевший банкиром или, по меньшей мере, начальником отца. Однажды Патрик видел папиного босса, когда тот приезжал к ним домой за документами. В этот день папа болел.

Внезапно Патрик почувствовал, как его накрыла волна ужаса, пронесшаяся по парку. Патрику стало страшно до мокрых штанов, но он сдержался. Только на секунду зажмурил глаза.

Человек на аллее тоже что-то почувствовал. Он остановился и закрутил головой, выискивая угрозу.

В то, что произошло дальше, Патрик сначала не поверил.

Прямо перед человеком в костюме вырос, словно бы сотканный из воздуха другой человек в кожаном плаще с красным платком на шее. Он вышагнул буквально из пустоты! Человек в костюме обернулся и столкнулся взглядом с незнакомцем.

Патрик понял, что ужас, распространившийся по парку, исходил именно от человека в плаще. Он сам был живым воплощением ужаса. От него просто пахло кошмаром!

Несколько минут мужчины стояли друг против друга, соревнуясь в игре в гляделки. Но Патрик смутно догадывался, что между ними идет борьба, невидимая для глаз. Он даже будто слышал на мгновение звуки страшной сечи...

Человек в костюме проиграл. Внезапно он пошатнулся, переступил с ноги на ногу и рухнул на холодную ноябрьскую землю. Потом он дернулся несколько раз и вдруг исчез, точно и не было его вовсе. То ли растворился в зябком воздухе, то ли земля забрала его в могилу.

Патрик с трудом сдержался, чтобы не закричать, и зажал себе рот рукой.

Человек же в плаще постоял несколько мгновений, а затем неспешно пошел по аллее прочь.

И тут же Патрик почувствовал, что ужас исчез. От незнакомца больше не веяло кошмаром, словно другой, его поверженный враг, забрал все с собой.

Патрику стало неуютно и боязно одному в парке.

И он решил проследить за человеком в плаще!

Глава 6 СВЯТОЙ ОТЕЦ

Он проснулся и с трудом разлепил отяжелевшие веки. В голове было морозно и пусто, как в холодильнике. Все суставы буквально сковало от застарелого ревматизма.

Несколько минут он лежал бездумно глядя в потолок, затем рывком сел на кровати. Голова тут же наполнилась осиным жужжанием и, казалось, вот-вот лопнет от распирающей боли. Взявшись непослушными руками за ступни, он некоторое время массировал их, пока не почувствовал, что может без опаски встать на ноги.

После этого он решился сползти с кровати. И, встав на колени, обратил свой взор на восточный угол комнаты, где располагалась божница с иконой. Он трижды осенил себя крестным знаменем с обязательным касанием лбом пола, прошептал слова утренней молитвы, которые возникали в его голове словно из пустоты. Он как будто не знал их, но они всплывали сами, точно подводные мины, оставшиеся с последней войны.

Закончив читать молитву, он поднялся с колен, доковылял до стены и провел рукой над сенсором, включая свет в комнате.

Дверь в комнату поглотила стена и на пороге показался металлический чурбан, похожий на помесь старинного пылесоса и муравейника на колесах, обвитого новогодней гирляндой. Засверкали разноцветные лампочки, создавая световую симфонию, и из утробы агрегата донеслось:

– Доброе утро, святой отец. Как вам спалось? Чего изволите?

Голос был наделен человеческими интонациями, но это был мертвый голос.

Хозяин сдержал приступ тошноты, которая подкатила к горлу, словно на колеснице о четырех шипованных металлом колесах.

– В ванну бы, да пива холодного, – простонал он.

– Будет исполнено, – откликнулся чурбан и, заурчав мотором, подкатил к стене.

Чрево металлического полена разверзлось и из него показался гибкий металлический щуп с разъемом на конце. Разъем плавно вошел в отверстие в стене, похожее на розетку. Тут же за стенкой зашумела вырвавшаяся из труб вода.

– Через минуту вы можете принять ванну, святой отец, – доложил чурбан. – Только осмелюсь напомнить, что сегодня вам еще предстоит служба, да и начинать день с пива считается дурным тоном.

Хозяин испытал острое желание пнуть железяку, но вместо этого только рывкнул:

– Я сказал, пиво!

– А как же смирение, святой отец?! – ехидно осведомился чурбан.

– Тогда смирись с тем, что я тебя на переплавку отправлю!!! – зарычал святой отец.

В памяти всплыло имя – Станислав. И он понял, что это его имя. Станислав поплелся в ванную комнату и только тут заметил, что одежды на нем нет. Не расстраиваясь по этому поводу, он забрался в ванну, погрузился в теплую воду по шею и зажмурил глаза, но заснуть, как того требовало измученное сознание, ему не удалось.

– Святой отец, ваше пиво! – раздался громкий голос над головой.

Станислав открыл глаза и уставился на робота, на голове которого возвышался пизанской башней бокал с пенным ароматным пивом. Взяв холодный бокал, Станислав потребовал:

– Уходи!

Чурбан повиновался.

– Слушаюсь, святой отец.

Почему он называет его святым отцом? Что заложено в эти слова? Это какой-то юмор, не подвластный его разбитой голове?..

Возникшие вопросы были совершенно некстати, и Станислав прогнал их, вооружившись пивом. Три больших глотка – и стало хорошо.

Зато проявился новый кусок головоломки: Елисеев. Теперь Станислав вспомнил свою фамилию, а это уже прогресс. Ещё десять минут назад в голове царили пустота и мороз.

Станислав Елисеев – святой отец. Что бы это могло означать?

Прозрение обрушилось внезапно, словно рысь с вершины дерева на спину охотнику.

Святой отец – священник. Он священник – только непонятно пока к какой конфессии принадлежит. Хорошо хоть христианин. Это уже радует.

Станислав не верил в то, что возникало в его голове. Не может он быть священником! С какого вдруг перепуга? Почему он священник? Ему всегда было чуждо все, что связано с церковью. Он вспомнил, его отец был священником и мечтал о том, чтобы сын следовал по его стопам. Служить Отцу Вседержителю – разве может быть что-то лучше?

Станислав почувствовал нарастающий внутри протест.

Он залпом допил пиво и подумал, что стоит озаботиться добавкой, иначе можно сойти с ума. А также надо бы позвонить отцу Григорию, чтобы он подменил его на службе. Он почувствовал, что выходить к людям и творить таинство литургии сегодня не вправе.

ЖНЕЦ.

Слово внезапно возникло в голове. Что оно могло обозначать?

Елисеев утопил пустой пивной бокал, и тот лег на дно погибшим кораблем.

Видение настигло Станислава и ударило в висок навывлет.

Он увидел затылок. Бритый затылок, покрытый татуировкой в виде человеческого лица, глаза которого представляли собой две крохотные камеры, передававшие изображение на темные очки-компьютер, скрывавшие глаза жертвы.

Жнец приблизился к ней со спины, посасывая потухшую трубку.

У него был только один шанс. Один верный выстрел.

И Жнец воспользовался им.

Сбегая по лестнице, Жнец споткнулся возле жертвы, которая колдовала над цифровым замком, пытаясь попасть в квартиру. Жертва обернулась, почувствовав опасность, но среагировать не успела.

Жнец прикусил клавишу на трубке, которая тут же выплюнула пулю двадцать второго калибра. Пуля аккуратно вошла между глаз жертвы, расколов дужку очков. Очки упали на пол. Жертва дернулась и сползла по стене.

Жнец выполнил задачу и быстро поднялся по ступенькам вверх, где на крыше дома его ждал флаер...

Станислав дернулся, избавляясь от картинки, что возникла в его голове.

Он испугался того, что увидел. Это было поистине ужасно. Убийство человека! Та часть его, что была священником, протестовала. Но другая понимала, что Жнец и он – Станислав Елисеев – являются одним и тем же человеком.

Убийца – он!

Что это? Реальность, которая приходит в воспоминаниях, или плод похмельного воображения?

Станислав выбрался из ванны, набрал на панели заказ на чистую одежду и вскоре уже неспешно одевался.

В гостиной его поджидал все тот же услужливый металлический чурбан, сразу сообщивший:

– Святой отец, вам два звонка. Они записаны. Можно посмотреть.

– Показывай. – Потребовал Елисеев.

Экран видеофона раскрылся изображением. С экрана на Станислава взирал хмурый седой человек с густой неопрятной бородой и в золотом облачении священника.

– Отец Станислав, я звоню вам, чтобы напомнить о том, что сегодня в семь вечера у вас лекция в Духовной Академии. Все вас ждут. И, если будет возможность, посетите Храм. У вас сегодня служба, но последнее время вы стали часто манкировать своими обязанностями. Всего хорошего. Да пребудет с вами Господь!

Изображение пропало.

Возникло новое.

Из пустоты появилось лицо Елисеева-старшего. Он сидел на диване в гостиной маленькой квартирки в Стрельне, где они жили вдвоем с матерью.

– Здравствуй, сын, – скучно сказал он. – Как у тебя дела? Я тут подумал, что стоит позвонить. Но вот видишь опять не застал тебя дома. Я, конечно, понимаю, дел у тебя много... С мамой все хорошо. Здорова. Правда, последнее время жалуется на боль в руке. Немеет она как-то. Надо обследоваться... У меня к тебе есть дело. Так что, когда будет свободное время, загляни в храм Спаса на Крови. Поговорить есть о чем. Я прочитал текст твоей лекции, не могу согласиться с тобой по ряду вопросов. Это также можно обсудить...

Станислав махнул рукой, отключая видефон.

Он вспомнил все. Словно открылись двери в хранилище знаний, которое до этого момента было ему недоступно, и потоки воспоминаний хлынули в голову. Он увидел себя на школьных выпускных экзаменах по виртуальным технологиям и высшей математике. Как он с треском провалился и был направлен на переэкзаменовку. А потом состоялся тяжелый разговор с отцом, которому пришлось не по вкусу позор сына. Станислав ушел из дома, хлопнув дверью...

И тут с его памятью начали происходить странные вещи. Он помнил, что вернулся домой, осознав глупость своего поведения. Станислав подготовился к переэкзаменовке, успешно прошел ее и, окончив школу, поступил на первый курс Духовной Академии при Александро-Невской Лавре. Так хотел отец. Но в то же время Станислав помнил, что домой он не возвращался, поскольку сложно вернуться туда, где тебя никто не ждет. Станислав не был тем сыном, о каком мечтал его отец. Он чувствовал это каждую минуту своей жизни, начиная с десятилетнего возраста, когда закатил первую истерику, отреагировав на ежевоскресный поход в церковь. Отец получал удовольствие от посещения церкви, а Станислав ее ненавидел. В конечном счете, заваленный экзамен послужил лишь причиной для разрыва, наметившегося задолго до этого. Станиславу был противен сам уклад жизни отца, его притворная набожность, его вера в Спасителя и Антихриста, его боязнь совершить грех. Даже зачатие собственного сына Елисеев-старший отмаливал в церкви несколько месяцев...

Память имела две версии. По одной Станислав стал священником, а вот по другой... Жнецом. Специалистом по устранению чужих проблем. Попросту – киллером. Наемным убийцей. И то видение о человеке с глазастой татуировкой было *его* воспоминанием. Но Станислав был уверен, что ничего этого не было!

«*Кажется, я начинаю сходить с ума*», – подумал Станислав и приказал роботу: – Подавай завтрак.

– Как обычно, святой отец?

– Думаю, что сегодняшний день ничем не отличается от предыдущих, и нет резона делать исключения.

В сказанном Елисеев не был уверен.

– И включи головизор, – потребовал он.

Вспыхнула объемная картинка, повисшая в воздухе. По Центральному Петербургскому каналу транслировались новости. Станислав равнодушно скользнул взглядом по картинке, наблюдая, как перед ним на столе возникает завтрак, сервированный роботом.

Станислав находился в расстроенных чувствах. Он не знал, что и думать. То ли записаться на прием к психиатру, то ли отправиться в церковь и провести несколько дней в молитве и покаянии.

В новостях мелькнуло знакомое лицо. Елисеев был уверен, что знает его, но никак не мог вспомнить.

Он отвлекся от дымящегося кофе и прибавил звук.

– Сегодня в нашей студии известный бизнесмен и меценат нашего города – Иван Столяров...

«Иван Столяров – этого не может быть?!» – возопил разум Елисеева. Станислав был уверен, что Столяров никак не может находиться в студии в прямом эфире, поскольку должен быть мертвым. Ведь Жнец самолично убил его, прицепив к телу бизнесмена пластиковую взрывчатку. Это было его последним делом.

Или всего этого не было?

Если Столяров жив, то Станиславу оставалось уверовать в собственное безумие.

Глава 7

СИРЕНЕВАЯ ПЛЕСЕНЬ

С Папой случился сердечный приступ. Известие о чудесном воскрешении Ивана Столярова подкосило старого медведя, а дружеское участие Ивана Боголюбова, который позвонил Папе и предложил встретиться на нейтральной территории, чтобы договориться о дальнейшем сосуществовании в Петербурге, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Папа не смог выдержать еще один неожиданный кульбит судьбы и спекся в одночасье. Это осознали все, кто его окружал.

Скорая помощь из частной клиники «Медведев-гарант» прибыла оперативно и забрала шефа в реанимацию.

Ярослав Яровцев отправил с Папой восемь охранников. Из оружия с собой они взяли лишь по паре зарегистрированных пистолетов. Охрану возглавил Зубарев. Он должен был обеспечить безопасность шефа на все время его нахождения в клинике.

Последним членораздельным изречением Папы, перед тем, как перейти в растительное состояние, было распоряжение о передаче всех дел в его отсутствие Семену. Костарев на это сухо кивнул, пожал мясистую ладонь шефа и проследил, как уплывают гравиносилки с неподвижной живой горой.

– Что ты думаешь по поводу всего этого? – спросил Семен, обращаясь к Ярославу.

– Чертовщина какая-то! – буркнул Яровцев. – Я собрал ребят – все целы и невредимы. Только память некоторым подсказывает, что их убили. А они живы! У одного уже крыша зашуршала. Остальные держатся...

– Что делать-то будем?

– Ребятам нужно срочно вызвать какого-нибудь психолога там, или психиатра... А то весь личный состав потеряем. Ладно, я пойду осмотрю территорию – ведь мы тоже народу положили... Надо поискать тела. Хотя что-то мне подсказывает, что никаких тел я не найду.

– По-моему, мы столкнулись с чем-то до предела странным, – глубокомысленно изрек Костарев.

– Не то слово, – согласился Ярослав.

– Я буду в кабинете Папы. Когда закончишь с обходом, поднимись. Надо поговорить, стратегию, что ли, разработать, – сказал Костарев, развернулся и направился к дому, по-военному чеканя шаг.

Яровцев набрал полные легкие сухого ноябрьского воздуха и поежился.

Морозно. Зима наступала. Она приближалась неумолимо и уже ощущалась ее тяжелая снежная поступь. В этот раз взять отпуск зимой и отправиться на Багамы или на Майорку не удастся. С теми событиями, что закрутили бумерангом сегодняшний день, никто не мог предсказать, чем все закончится и в какую сторону пальнет безумная судьба снарядами своих артиллерийских батарей.

Пока что Ярослав Яровцев не мог даже строить предположения, как все обернется. Даже если при построении прогноза учитывать только его фигуру.

Яровцев по пуговице внутренней связи вызвал ближайшее звено охраны. Оно уже сменилось с поста и направлялось в комнату отдыха. Совершать вояж вдоль периметра Папиного особняка в одиночестве Ярослав не хотел. Мало ли что можно встретить после нападения неприятеля.

Звено охраны появилось через три минуты. Четверо крепких мужчин лет сорока в строгих похоронных костюмах и в теплых пальто, с головами, покрытыми тонкой хамелеон-пленкой, копирующей лица ее обладателей. Эта пленка была универсальной боевой системой, на которую транслировались данные, поступающие в терминал единого информатория резиден-

ции Папы, так что каждый охранник был в курсе всего происходящего на вверенной ему территории. В пленке также находились сетка прицеливания, сканер-экран и База Боевого Расчета, осуществлявшая расчет оптимального режима ведения боя, руководствуясь данными, поступающими со сканер-экрана и крохотных датчиков, которыми охранник был обвешан, точно новогодняя елка игрушками.

Ярослав коротко сообщил ребятам о поставленной задаче.

– Да нет там никого. И осматривать – время терять, – буркнул молодой охранник.

Яровцев его не помнил. Возможно, он был из новеньких. Две недели назад по распоряжению Папы штат охраны поместья был усилен. Провели жесткий кастинг, который более всего напоминал полигон на выживание. Желających устроиться на постоянную высокооплачиваемую работу было хоть отбавляй. Они толпами носились по полосе препятствий, выстроенной в срочном порядке на футбольном поле, сдавали тесты по общеобразовательным предметам, куда были включены русский язык и история. Папа отказывался иметь дело с людьми, которые не умели разговаривать на родном языке и не знали, кто такой Барклай де Толли. После тестов начинался экзамен по высшей математике и виртуальным технологиям – еще одна причуда Папы. Прошедшие все круги Дантова ада приглашались на ковер для спарринга со старой гвардией. Кто выдерживал хотя бы пять минут или вдруг побеждал, тут же зачислялись в штат сотрудников. Впрочем, победителей среди новичков на памяти Яровцева не было. Мало кто из них выстоял и до истечения пяти минут...

– Мы с ребятами уже ходили, смотрели. Ничего нет. Пусто.

– Отставить разговоры! – распорядился Ярослав. – Территорию все равно придется обойти. Помимо следов призрачного десанта нам нужно убедиться в целостности охранного периметра и в работе «Стража».

Молодой охранник молча вытянулся во фрунт.

Они пересекли освещаемую прожекторами открытую площадку перед домом, углубились в парк и через несколько минут вышли к защитному периметру. Яровцев прицепил к камню ограды маячок, чтобы не потерять место, с которого начался осмотр, и группа двинулась вдоль забора.

Периметр оказался нетронутым. Охрана включила плечевые прожекторы и восемь снопов света высветили каменную стену во всех подробностях, вплоть до трещин в кирпиче и облупившейся краски.

Несколько минут группа шла в молчании. Ничего не происходило. Ночная темнота, процеживаемая прожекторным светом, была наполнена морозом и пустотой.

Ужас навалился внезапно. Он казался всеобъемлющим, точно люди вступили в вязкую патоку кошмара, который находился повсюду. Он скручивал мозг и гнул тело к земле.

Яровцев на ногах устоял. А вот ребята дружно попадали в рыжие листья и завалились утробно, сгребая падь под себя и царапая ногтями мерзлую землю. Прожекторный свет пропал. Все парни лежали ничком и лучи фонарей уперлись в почву, погрузив Яровцева во тьму.

Ярослав, пошатываясь, словно накурился дури, сделал два шага назад, и ужас улетучился. Чувство великого страха пропало, оставив после себя горький осадок.

Тогда Яровцев решился на эксперимент. Он сделал два шага вперед и вновь оказался накрыт волной ужаса. Опустившись на колени, он пополз до охранников и стал одного за другим вытаскивать назад на безопасное место.

Когда парни отдышались и оказались способны встать на ноги и выдать из себя трезво и твердо: «ядрена мать», Яровцев вышел в эфир, адресуя сообщение Костареву, который прослушивал частоту охраны.

– Мы столкнулись с необъяснимым. Аномалия! В целом – порядок. Продолжаем осмотр периметра.

Ответом ему было молчание.

Яровцев оглядел подчиненных. Выглядели они плачевно. Точно собаки, спасенные хозяином от стаи волков, уже успевших их потрепать.

– Идем дальше. Берем метра три вправо и идем.

Ребята восприняли услышанное без энтузиазма. В глазах плескался страх.

– Посветите, – потребовал Яровцев, приблизившись к «зоне ужаса».

Четыре прожектора покрыли светом площадку, изрытую ментально атакованными охранниками. Ярослав присвистнул от удивления. Те участки, до которых бойцы не дотянулись, были покрыты сиреневой слизью, точно плесенью, из которой росли грибы. Обыкновенные грибы – подберезовики и подосиновики. Удивляло только то, что в ноябре месяце никаких грибов по определению быть не могло, да и форма грибов заставляла подумать о радиоактивном облучении территории. Один из подберезовиков стоял на толстой ноге расцветки березовой коры. В пяти сантиметрах от земли нога разветвлялась на двадцать тонких шей, каждую из которых венчала элегантная шляпка.

– Едрит меня налево! – выругался молодой охранник. – Это что за хрень тут растет?!

Яровцев промолчал, но был удивлен не меньше.

Направив на ярко высвеченную аномалию правую руку, на запястье которой находились часы с встроенным цифровым фотоаппаратом, Ярослав запечатлел жутковатую картину.

– Пошли дальше! – приказал он.

За время обхода они нашли еще восемь мест, поросших сиреневой плесенью и грибами-мутантами. Каждое место было сфотографировано и занесено на электронную карту, встроенную в защитные головные пленки охранников, слегка пострадавшие при неконтролируемом приступе страха.

При приближении к плесени всех скручивал ужас. При удалении от нее ужас пропадал. Экспериментальным путем было доказана связь между беспочвенным приступом страха и сиреневой слизью.

Вернувшись к маячку, Ярослав потоптался на месте и скомандовал:

– Возвращаемся!

Приказ был воспринят на «ура».

Бойцы Боголюбова, которые три часа назад штурмовали особняк Папы, найдены не были. Никаких следов их деятельности в пределах поместья. Даже периметр не был нарушен. Все посты сторожевой службы «Страж» были активизированы и функционировали. В памяти «Стража» не было информации о пересечении охраняемой зоны.

Вокруг явно творилась какая-то мистика, которая нравилась Ярославу все меньше и меньше. Нападение на поместье, которого и не было, охранники убитые воскресают, раненые оказываются здоровыми, убитый наемником бизнесмен дает интервью по головизору, а теперь еще грибы-мутанты и зоны кошмаров, которыми заражено поместье.

Все эти явления безусловно как-то были связаны между собой. Они зависели друг от друга, словно голова и хвост змеи, только вот что это за тварь и как с ней бороться, Ярослав не знал.

Он связался с Костаревым, доложил, что осмотр окончен, и группа возвращается. Потом попросил для звена сопровождения дополнительные два дня оплачиваемых выходных. Семен, скрипя зубами, согласился. И тут же покинул поле связи.

– Ребята, теперь можете переодеваться, и линять домой. У вас два дня беспробудной гульбы, – сообщил им Ярослав.

Сперва новость была встречена громом оваций, но когда эйфория утихла, молодой спросил:

– После всего того, что произошло сегодня, разве мы не должны все безвылазно сидеть в поместье?

– Это конечно так, – согласился Ярослав, – но после того, что вынесли конкретно вы, я думаю, пара дней отдыха не повредит никому.

– Это оплачивается? – осторожно поинтересовался молодой, явный лидер в звене.

– Как полный рабочий.

Охранник довольно кивнул и увлек остальных за собой. Они направились к одноэтажному бревенчатому домику, в котором располагался центр управления охраны, комнаты для отдыха, раздевалки, служебный бассейн и десять душевых кабин, не считая пяти туалетов и разного рода подсобных помещений.

Папа любил свою охрану.

А охрана отвечала ему взаимностью.

Ярослав проводил взглядом отпущенных на вольные хлеба и тяжело зашагал к дому. Ему предстоял разговор с Костаревым.

Глава 8

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Что делать человеку, если и жизнь не складывается, и на работе лавина за лавиной сходят, того и гляди с катушек сорвешься, а тут еще очередное дежурство сюрпризы преподносит, которые в дальнейшем могут сказаться негативно как на карьере, так и на кармане.

Павел Лешаков был сержантом патрульно-постовой службы. Ему был выделен сектор, примыкающий к Приморскому парку Победы. Место тихое и спокойное – никогда никаких происшествий. А тут – на тебе: «малевичи»! И нет, чтобы в чужое дежурство, а теперь Лешакову голову под топор начальства подставлять. И ведь не скроешь происшествия. Робот-уборщик в положенное время возле лифтовой кабины появился, попытался очистить ее от несанкционированного рисунка, с заданием не справился и сигнализировал, фиксируя нарушение в Центральном полицейском информатории. А вычислить, на чьем участке непорядок случился – составит две секунды машинного времени.

А что с «малевичами» этими сделать, если они неуловимы, точно духи? Начальство никак в толк взять не может, что это стихийное объединение. У него нет единого управления, которое можно прикрыть, пересажать, чтобы другим неповадно было. Поймаешь одного паренька с распылителем, всю доказательную базу соберешь, начнешь допытываться, кто надоумил, а он – в отказ: «Я сам пошел». И что с ним делать? Зачем Камерам Исправления такой балласт. Ну, промается он несколько месяцев в Камере за мелкое хулиганство, разве его это изменит? А бывало, что удавалось схватить «малевича», так он еще порог ответственности не перешел, и с ним вообще ничего делать нельзя. Возьмут такого на карандаш, родителям штраф навесят приличный плюс компенсацию ущерба. Выдерут они своего художника, да запишут его на прием к психотерапевту. Так разве его этим исправишь? Он только умнее и опытнее станет. В следующий раз осторожней будет.

А начальство права качает: рисунок характерный сделан, заявление от «малевичей» в полицейский участок поступило об их причастности к акции – что значит, неорганизованное стихийное выступление? Вы нам, гражданин постовой, не задымляйте контакты реагирования. Мы сами разберемся, кто чего организовал, и во сколько это обойдется казне. А если вы, господин постовой, не справляетесь со своими обязанностями или получаете от неформальных художников мзду, то мы ведь и освободить вас с поста в состоянии, а заодно и спросить по всей строгости закона о допущенных случаях разгильдяйства на вверенной вам территории. А уж что такие случаи найдутся, в этом можно не сомневаться. Не было – создадим. Не видно – отыщем!..

Лешакову было худо вдвойне. Раскрашенная лифтовая кабина оптимизма не добавляла, а тут еще и на домашнем фронте стали грозовые тучи сгущаться. Марина, жена его законная вот уже двенадцать лет, прознала про Светку, любовницу. Как до нее весточка докатилась, оставалось гадать, да вот только лес, как говорится, слухами полнится.

Со Светкой Павел встретился по недоразумению. Ему, сотруднику ППС, с вверенной территории уходить строжайше запрещалось. Солнечный день. Припекало так, что, казалось, на сковородке под парами прохладнее будет, а тут с полной амуницией вахту нести пришлось. Лешаков прогуливался взад-вперед, старясь избрать траекторию, проходящую под тенистым деревом, когда к нему подошла очаровательная барышня, лет на пятнадцать его младше, в слезах и попросила помочь ей попасть в квартиру. Муж пьян, закрыл дверь изнутри, а ей срочно нужно попасть домой и не к кому обратиться. Что дернуло Павла пойти и помочь девушке?.. К тому же в цифровых замках и сенсор-запорах он разбирался так же, как в эволюции членистоногих. Но Павел смело шагнул в пучину неизвестности.

Он оставил пост и пошел за девушкой. По дороге узнал, что девушку зовут Светлана. Когда же они вознеслись на тридцать четвертый этаж фешенебельного дома, где квадратный метр стоил, как месячная зарплата Лешакова, Светлана призналась, что никакого мужа у нее нет. А к нему она подошла, потому что не могла более скрывать свою симпатию.

Лешаков впервые встретил такую смелую девушку, которая шагнула прямо с корабля на бал. В результате его «спасательная миссия» закончилась грехопадением и морем удовольствия. А потом поспешным бегством обратно на пост, пока никто не заметил.

Заметили. Камеры слежения сбросили информацию об отсутствии постового. Пришлось изворачиваться.

С тех пор Лешаков встречался со Светой регулярно. Вот уже три года. Зачем он ей был нужен с мизерной зарплатой, женой, двумя детьми и катастрофической невозможностью делать подарки, даже рублевые, Павел не знал, хоть голову поломал изрядно и даже чуть было не дошел до алкоголизма.

Теперь же Марина все узнала.

Скандала не было. Марина коротко сообщила: «звонила твоя шалава», а затем заперла перед ним дверь спальни. Пришлось Лешакову запустить аэрокресло и воспарить над полом, чего Павел не любил. Фишка была модная и дорогая. Они купили кресло для придания интимной близости экзотических ощущений, но как назло у Лешакова обнаружилась «воздушная болезнь». Его укачивало в аэро-кресле. Пришлось отказаться от мысли заниматься любовью под потолком, как ни уговаривала его Марина попробовать еще раз. Загадив дважды пол в гостиной, испачкав ковер и потратившись на вызов кибера из химчистки, Лешаков попытался вернуть кресло в магазин. Но продавцы не позволили осуществить возврат, сославшись на то, что слабый желудок никак не влияет на качество товара. Так и осталось у них это парящее кресло.

Промучившись ночь и половину дня под потолком, Лешаков вышел на вечернее дежурство в совершенно развинченном состоянии – не то, что за «малевичами» гоняться, в кровати лежать надо и выслушивать указания робоврача.

Лешаков не знал, чем могла закончиться его размолвка с женой, но подозревал, что ничего хорошего ему в отдаленной перспективе не светит...

Мальчик появился внезапно. Вынырнул из кустов и вцепился в рукав фирменной кожаной куртки со сканер-датчиками, грозя оборвать их вместе с рукавом.

Но мальчик был не самым неприятным явлением.

Сначала появился мужчина в черном кожаном плаще и с красным шейным платком. Он прошел мимо и явно торопился, то переходя с шага на бег, то вновь на быстрый шаг. У незнакомца было красивое мужественное лицо, покрытое двухнедельной бородкой – запоминающееся лицо. Он прошел мимо, изредка оглядываясь по сторонам. Когда его взгляд уперся в Лешакова, Павел почувствовал, как покрывается мерзким холодным потом, а душа выворачивается наизнанку, точно ее схватили раскаленными щипцами и стали выдирать из тела. Он вспомнил все свои грехи и ошибки, все свои горести и радости.

А потом гадкое ощущение покинуло его – человек отвел от него взгляд и прошел мимо. На душе же Лешакова осталось такое чувство, что им попользовались и брезгливо выбросили на помойку.

В тот момент, когда вконец расстроенный Лешаков собирался покинуть пост, чтобы сбежать в робомаркет за «горючим», дабы не было так обидно и противно от бесцельно ускользающего дня, на него налетел мальчишка, вцепился в рукав и зашептал горячо, надрывно, точно боялся не успеть все рассказать.

– Господин полицейский, господин полицейский, тот человек... его взять... задержать, арестовать обязательно! Он человека в парке растворил!!! Это ужасно!.. Страшный человек!..

Я боюсь его!.. Но надо арестовать, а то он так и будет ходить и всех растворять, ведь в городе же никого не останется!..

– Прекрати истерику! – рявкнул Лешаков и стряхнул мальчишку с плеча.

Только тут он заметил, что мальчик был чернокожим.

– Говори внятно! Разумно! – потребовал он.

Захлебываясь словами мальчишка затараторил снова:

– Но как же, он ведь человека убил! Я же... он же... Арестуйте его!

– Где убил? – жестко оборвал его Лешаков, лихорадочно соображая, что ему делать с заявлением ребенка. Не обращать внимания или поверить и задержать человека с красным шейным платком – незнакомец Павлу тоже не понравился.

– Да в парке же! В парке! Я же говорю вам, а вы...

Лешаков принял решение. Он приказал мальчишке:

– Стой на месте! – и бросился за успевшим скрыться за поворотом аллеи странным человеком.

Догнать-то его Павел догнал. И даже поговорил о чем-то, только почему-то все время смущался, пытался закончить разговор и скрыться обратно за поворот, чтобы потом либо нахлестаться водки до помрачения рассудка, либо ломануться до ближайшего храма, бухнуться в ноги священнику и исповедаться во всем. Взять, как говорится, все на себя.

Лешаков все-таки спросил незнакомца, был ли он сегодня в парке Победы? Тот ухмыльнулся и ответил, что он прибыл маршрутным аэротакси до станции «Парковая Зона» и тут же направился домой пешком. Но через парк не проходил, поскольку в такую темень, там только голову терять да ноги ломать.

Лешаков тут же почувствовал себя ужасным тупицей и ему стало стыдно. Он извинился перед господином в кожаном плаще и поспешил вернуться на пост.

Мальчонка дожидался его на том же месте, где он его оставил:

– Вы арестовали его? Арестовали?..

Лешаков смерил чернокожего уничтожающим взглядом и рявкнул:

– Ты что меня тут разыгрывать вздумал?! Сопля ночная! Ты что это по ночам на улице ошиваешься?! И как только родители тебя выпустили? Где твои родители живут? Ну-ка, адрес!

Мальчик посерел, что особенно четко было видно при ночном освещении и попытался удрать, но Лешаков оказался проворнее. Он одним прыжком настиг мальчика и ухватил за рюкзак, болтающийся у того за спиной. В рюкзаке было что-то округлое и твердое.

Мальчик дернулся несколько раз, пытаясь освободиться, но кто же может вырваться из цепких рук Павла Лешакова.

– А ну, выворачивай пожитки! – приказал он.

И сам сдернул с мальчонки рюкзак, рванул молнию и вытряхнул содержимое на тротуар.

Баллончик с краской предательски звякнул об асфальт.

– Ах, так это ты, малолетняя оторва, ту погань на лифте изобразил?! – взревел угрожающе Лешаков.

– Не погань это! Не погань! – испуганно закричал мальчишка, выдавая себя с головой.

Лешаков торжествующе рассмеялся. Ему в руки попался «малевич». Не Париж, конечно, но инцидент с разукрашенной кабиной лифта можно считать закрытым.

Глава 9

МАТВЕЙ СТАВРОГИН, КРАСНЫЙ КОТ И ВОЛНА

Матвей Ставрогин коснулся замка сенсорключом, приложил большой палец правой руки к глазку сканера, и дверь открылась. Он вошел в квартиру, захлопнул дверь, активируя защитную систему «Цербер», и стал раздеваться. Сперва развязал красный шейный платок, который обвил узлом вешалку, затем сбросил на спорхнувшие с потолка робоплечики черный кожаный плащ, и скинул на чистящий коврик ботинки, шипованные металлом.

Потом Матвей сунул ноги в домашние тапочки и прошлепал в гостиную. Включил головизор, запустил «стол-самобранку», вызвал меню, отметил в нем чашку крепкого кофе и два бутерброда с ветчиной. Направив заказ на кухню, откуда тот должен был поступить в ближайшую минуту на нижний уровень столика, Матвей перебрал несколько телеканалов и остановился на новостях Центрального Петербургского.

И какой черт занес его в этот вечер в парк? Ведь Матвей намеревался добраться до дома пораньше и посмотреть 3D-фильм, взятый в прокате, потягивая пиво и пуская в потолок сигаретный дым. Но он почувствовал *запах*. Так волк за несколько километров улавливает аромат заблудившегося в лесу ягненка. И Матвей не смог устоять.

Ставрогин испытывал уныние: действие свершилось, жертва была настигнута и хрустнула на зубах, но это не принесло удовлетворения. Так бывало часто. Он вожделел, крошил зубы в дым, а когда получал желаемое, наваливалось невыносимое разочарование.

Несколько дней Ставрогин намеревался провести дома. Он поступал так всегда, когда применял свой Дар. За Даром всегда следовала Волна. И Волну лучше всего было переждать, отлежаться в берлоге. Дождаться, пока все уляжется. Пока схлынет вся муть, которую он поднял со дна реальности.

«Стол-самобранка» проиграл мелодию из «The Beatles», популярную в прошлом веке, приглашая хозяина к ужину. Верхняя панель стола истончилась, уступая место нижнему ярусу, на нем находился заказ. Ярусы поменялись местами. Трансформация закончилась.

Ставрогин засучил рукава, приобнял ладонями кружку и поморщился. Кружка обжигала пальцы. Улыбнувшись, Матвей отхлебнул кофе и крикнул от удовольствия.

Зеркальная стена за его спиной вспухла, впуская в комнату красного кота с изумрудными глазами. Кот был размером с теленка. Он зашипел, извещая Ставрогина о своем присутствии, и прыгнул через диван, на котором сидел Матвей. Приземлившись на ковер перед «столом-самобранкой», кот извернулся, выгнул спину и упал на живот. Замурлыкав, он облизнулся и хищно прищурил на Матвея глаз.

На появления кота Матвей никак не отреагировал, точно это было в порядке вещей. А для него так оно и было. Каждый раз, когда накатывала Волна, вместе с ней к нему являлись странные видения, которые иначе-то и назвать было нельзя. В реальность этого невыносимо красного кота поверить было невозможно. Однако тот махал хвостом, который проходил сквозь бутерброды с ветчиной, словно был бесплотным, пускал жирные слюни на ковер, который оставался сухим, и совершенно беззвучно чесал шею задней лапой.

Впрочем, Ставрогин бы не удивился, если бы кот заговорил. Он даже был уверен, что однажды это обязательно произойдет. Только кот то ли смущался, то ли выжидал более подходящего момента, чтобы удивить Матвея.

Ставрогин медленно потягивал кофе и наблюдал за картинкой головизора. Он выжидал. Что-то еще должно было произойти. Его сегодняшняя *охота* должна была сказаться на ткани реальности. Матвей знал это. И он выжидал, медленно вращались колеса мыслей в голове.

Ставрогина смущал полицейский, который нагнал его в нескольких шагах от дома. Он нес какую-то беспросветную чушь, ощущая дискомфорт в его присутствии, но этот полицей-

ский упомянул парк. Почему он это сделал? Неужели постовой был свидетелем происшедшего? Сомнительно. Если бы коп все видел, то вряд ли бы осмелился подойти к Матвею. Ставрогин знал о том, что когда он готовится к пришествию Дара, а затем встречает его, вокруг распространяется волна ужаса, которая словно силовое охранное поле распугивала всех недоброжелателей, могущих помешать Изменению. Такие же чувства испытывала и жертва, только ужас парализовал ее, лишал возможности сопротивляться. Хотя последняя жертва, наемный убийца, называющий себя Жнец, оказался сильным противником. Он даже показал коготки, только они оказались картонными и сломались после первого же выпада...

Но вопрос оставался открытым: почему к нему подошел полицейский? Что он хотел от Ставрогина? И почему так поспешно ретировался, точно почувствовал свою уязвимость? Матвей уловил в нем *ауру* жертвы, но был измотан, удовлетворен и не хотел охотиться. Только в случае опасности. Значит, полицейский представлял для него опасность. Он собирался арестовать его, но потом передумал. Эта версия заслуживала внимания. Если полицейский размышлял о его задержании, стало быть, у него были на то серьезные основания. Основание могло быть только одно: полицейский стал свидетелем явления его Дара.

Это было плохо. Если не сказать хуже.

Ставрогин поставил чашку с кофе на стол и полез в задний карман брюк. Карман оттопыривала внушительная пачка денег. Он вытащил ее на свет, раскрутил и, оценив на вскидку, бросил на стол. Изменение принесло ему что-то порядка ста тысяч рублей. Сумма приличная – три годовых зарплаты полицейского, попавшегося полчасом назад ему на пути.

Так было всегда, когда просыпался Дар и происходило Изменение. После него Матвей обнаруживал у себя деньги. Все купюры новенькие, хрустящие – будто только что покинули банковские закрома. Откуда они берутся у него, и кто ему платит за Дар, Ставрогин так и не узнал за сто пятьдесят лет использования Дара. Он и не стремился к этому. Его вполне устраивала анонимность.

«Срочное сообщение из Москвы! На восьмом внутреннем окружном транспортном кольце случилась грандиозная авария. Роботрейлер, управляемый транспортной компанией, располагающейся в Мюнхене, сошел с забронированного маршрута и, уничтожив разделительную ограду, выпал на встречную полосу, где столкнулся с двумя легковыми карами. От удара летящих на больших скоростях каров роботрейлер переломило напополам. Произошел взрыв! Часть восьмого внутреннего транспортного кольца уничтожена. Движение по восьмому кольцу приостановлено. На место происшествия выехала следственная бригада транспортной прокуратуры города Москвы. Пока что неясно, почему роботрейлер потерял управление. И почему центр управления роботрейлерами в Мюнхене не сумел оперативно перейти на ручное управление и загнать поврежденную машину на полосу стоянки. Это и предстоит выяснить следствию. В катастрофе погибло два человека. Оба – водители легковых каров. Мы выражаем свои соболезнования родственникам погибших...»

Ставрогин дождался.

Волна начала свое распространение.

Он переключил головизор на музыкальный канал и проглотил в голодном порыве бутерброд.

Красный кот, привлеченный ароматом ветчины, выгнул спину, аппетитно замурлыкал и произнес человеческим голосом с легким французским прононсом:

– У тебя сегодня удачный день?

Даже не вопрос, а скорее утверждение.

Ставрогин решил промолчать. Не хватало еще разговаривать с всякими полуреальными котами. Если бы к нему пришел Крышник – другое дело. Но кот...

Но кот оказался на редкость въедливым существом.

– В удачный день надо делиться своей удачей! – нравоучительно промурлыкал он.

Матвей, не замечая кота, расправлялся с бутербродом. Не хватало еще с собственной галлюцинацией разговаривать. Хотя природу видений Ставрогин для себя так и не уяснил. Кот был проявлением реального мира. Только мира иного, живущего параллельно. Сколько их приходило за полтора века. Коты и драконы, крохотные гномы, ростом с наперсток, обыкновенные люди, которые утверждали, что они прибыли из будущего, и зеленые человечки, пытающиеся обратить его в новую веру. Что только не лезло сквозь стены, с потолка, из-под пола, из окна и просто проявлялось из пустоты. Всех уже Матвей и не помнил. В памяти жил лишь один, первый Визитер, – Крышник.

– Ты вообще глухой или как? Или к тебе иное обращение требуется?! – завопил кот, встал на задние лапы и возмущенно вздернул дыбом хвост.

– Что тебе надо? Я очень устал, – тихо произнес Матвей.

– И с чего это такая усталость? Вспахал поле, построил дом, посадил дерево? – поинтересовался кот, встопорщил усы и срыгнул на ковер комочек шерсти.

– Эй! – ожил Ставрогин. – Поаккуратнее с интерьером.

– Чего переживаешь? Волна пройдет, все исчезнет. В том числе и я. Как грустно осознавать собственную конечность.

Когда-то именно Визитеры рассказали Ставрогину о Волне. Они объяснили ему ее смысл и посоветовали не покидать замкнутого пространства, пока Волна не схлынет. Замкнутое пространство могло быть любым, начиная от шкафа, заканчивая туалетом в ресторане. Но лучше всего, если Меняла будет переживать Волну в своем доме. Поговаривали, что родные стены – они неприступнее любой крепости. За сто пятьдесят лет блужданий Ставрогин так и не обзавелся пенатами, но эта квартира служила ему убежищем последнюю четверть века, и пока расставаться с ней он не собирался.

– Что тебе надо? – недружелюбно повторил Матвей.

– Мне скучно. А тут такая изумительная возможность порезвиться.

– Что-то я не вижу резвости. Приходишь, докучаешь мне своим присутствием, а потом исчезаешь.

– Я пришел к тебе в первый раз и, наверное, в последний. А что, ты не в первый раз играешь на Волну? – игриво спросил Кот.

– Я не понимаю тебя, – отозвался Ставрогин.

– Ай, ай, ай, такой взрослый, а врать не научился! Ты трясешь Столп Мироздания, в твоё убежище странники сыплются как яблоки, а ты не понимаешь, что происходит? Плохой мальчик!

Кот повернулся к Матвею задом и, демонстративно подняв хвост трубой, напустил на пол дурно пахнущую лужу.

– Скажи, зачем тебе это надо? – тут же спросил он.

– Что надо? – рассеянно переспросил Матвей, программируя «столлик-самобранку» на новую порцию кофе.

– Ты еще спрашиваешь?! – возмутился Кот. – Зачем ты ломаешь естественный ход вещей?

– Это мой Дар! – твердо сказал Ставрогин.

– Твой Дар опасен, он вызывает Волну, а она разрушительна. И тебя это не останавливает? Я удивлен. Я знал, что люди беспечные существа, что они способны спилить сук, на котором сидят, только ради принципа, но это – верх безумства!

– Я несу людям добро, – сухо ответил Матвей.

– А как же тогда погибшие на восьмой кольцевой? Ты принес им добро? – метнув на Ставрогина гневный взгляд, воскликнул кот и вонзил длиннющие когти в ковер.

– Как это связано?! – воскликнул Ставрогин и зажмурил глаза.

Ему предстояли долгие часы, пока не схлынет Волна. Часы бок о бок с этим странным неугомонным существом, который принимал в каждый свой приход разные формы, но сущность его была одна.

Раскрыв глаза, Ставрогин уставился на кота холодным взглядом. Он был готов к диспуту.

Сколько продлится Волна в этот раз?

Он был готов на тысячелетия.

Глава 10

ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ (идет Волна...)

Волна распространялась кругами.
Волна раскатывалась по Земле.

Дождь лил вторую неделю. Яркий сочный дождь, наполненный изумрудом листвы и дурманящим свежим воздухом, пропитанным ароматом апельсинового дерева. На веранде большого бунгало в плетеном кресле сидел седой мужчина в распахнутой на груди рваной рубашке, хлопчатобумажных белых штанах и широкополой серой шляпе, сплетенной из веток кустарника. Его небритое коричневое от загара лицо находилось в тени шляпы, и при взгляде на него, ничего нельзя было сказать о возрасте человека. Только волосы с проседью и дырки в неровном ряду зубов говорили о том, что мужчина, отдыхающий в дождливый день на веранде своего дома, давно уже перешагнул пятидесятилетний рубеж. Мужчина, выставив босые, черные от грязи, в мозолях и шишках ноги под дождь, задумчиво посасывал длинную изогнутую трубку, которую придерживал возле живота. Клубы ядовито-серого дыма окутывали его голову и медленно рассеивались в воздухе, уступая место новой волне смога.

Мужчину звали Хорхе Луис Каварес. Он наслаждался дождем и своей безмятежностью. Нечасто выпадает такой случай, когда можно посидеть на веранде, ничего не делая, и покурить трубку. Хотя Хорхе Луис мог признаться себе честно, что последнее время таких дней становилось все больше и больше.

Он старел и становился все менее нужен. На его место приходили молодые ребята, полные энергии и с ясной головой. А что может дряхлеющий капитан полиции, если из пистолета он уже не попадает в десятку, схватиться с преступником в рукопашную для него равноценно самоубийству, а просиживать в участке, ломая голову над очередной криминальной головоломкой, изнывая от жары, становится все обременительнее и обременительнее.

Хорхе Луис понимал, что его время прошло. Он уже не тот, да и время не то. Когда он пришел в полицию, ему приходилось охотиться за ворами-карманниками, лазить по городским трущобам в поисках бедолаги, убившего свою жену в приступе ревности, а ныне – наркотрафики и организованные преступные кланы, торговля виртуальными наркотиками и технологиями. Вместо трущоб – разросшиеся ввысь мегаполисы, вместо привычных рук и сердцу автомобилей – аэрокары. Вместо верного «Кольта» скорострельный массивный «Магнум».

Все изменилось. Мир стал другим.

И с грустью Хорхе Луис понимал, что в этом мире для него оставалось все меньше места. Он был старым тряпьем, отправленным на свалку. Ныне свалок не существовало. Старые вещи отправлялись в комплексы переработки. Но Хорхе по старинке вспоминал о свалке.

Кто в старости греет душу и сердце? Кто напоминает о том, что ты еще кому-то нужен и не бесцельно коптишь небо, омрачая его собственным пребыванием на Земле? Родные и близкие. Но у Хорхе Луиса никого не было. Он был один. Детей не нажил, да и жены-то никогда не было. У человека, который посвятил себя служению закону, не остается времени ни на что другое. Большая часть жизни проходит на работе. Полицейский образ жизни впитывается в кровь. Он меняет разум, и уже становится трудно подстраивать себя под кого-то, находить компромиссы, уживаться с чужим мировоззрением.

У Хорхе Луиса были женщины. Много женщин. Но это были беспорядочные связи. Ни одна из них не переросла в нечто большее. Он продолжал оставаться одиночкой. И теперь, когда к нему подобралась старость, а на горизонте замаячила пенсия, Хорхе Луис стал задум-

мываться о том, чем ему заняться в дальнейшем. Ведь на пенсии жизнь не кончается. Но он не мыслил для себя ничего иного, как гоняться за преступниками, вести допросы и раскалывать орешки криминальных загадок. Да, ему это давалось труднее, чем в юности, но он давно превратился в робота, запрограммированного на исполнение строго заданных функций. Робота устаревшей модели, но все еще на что-то годного.

Хорхе Луис задумался о собственном агентстве. Частная сыскная контора – довольно прибыльное дело, но она должна полностью соответствовать своему времени. Стало быть, Хорхе Луису требовался компаньон из юнцов, как он называл ребят, пришедших в полицию, когда ему оставалось лет пять до пенсии.

Пока дальше мыслей его идея не продвинулась. Но Хорхе полюбил сидеть на веранде и обсасывать идею, подбираясь к ней с разных сторон. Уже замаячила на горизонте подходящая фигура для компаньона. На следующей неделе должна была состояться встреча, и Хорхе Луис готовился к ней, продумывал свою речь, она должна была заразить идеей будущего напарника.

Опыт и энергия, ум и сила – у них должен был получиться великолепный союз!

От приятных мыслей Хорхе Луиса отвлек посторонний шум. Сквозь лавину дождя пробился сильный звук, напоминающий вой идущего на посадку аэрокара. Хорхе сдвинул с лица шляпу и стал всматриваться в открытый для обзора участок неба.

Прямо перед его бунгало расстилалась небольшая полянка, за которой начинался лес. На эту поляну и садился каплевидный двухместный аэрокар.

– Кому это я потребовался? – пробурчал Хорхе Луис, но из кресла не встал.

Так и сидел, продолжая посасывать трубку.

Поднялась передняя панель аэрокара, и из него выбрался высокий мужчина в черных джинсах, того же цвета джинсовой куртке на голое тело, в легких мокасынах с бахромой и в джинсовой шляпе. Он направился к бунгало.

Как ни силился Хорхе Луис рассмотреть лицо незнакомца, оно расплывалось в мутное пятно. Зрение в последние годы часто подводило старого копа.

Визитер шел быстрым шагом. Его походка была несколько развязной. Так ходят нуво-риши, чувствуя в своем кармане кучу денег, и уверенные в том, что способны купить всё и вся.

По мере того, как визитер приближался к веранде, его лицо обретало четкость, стали проступать отдельные черты и вскоре Хорхе Луис узнал его.

Узнал и ужаснулся. Этого не могло быть! Это было нереально!..

Трубка выскользнула из рук и упала на пол. Хорхе нагнулся, не вставая из кресла, и поднял трубку, но раскуривать не стал. Положил ее на столик рядом с собой.

Хорхе Луис испугался. К нему приближался человек, которого вот уже тридцать лет, как не было в живых. Каварес собственноручно убил его. Еще когда был лейтенантом полиции.

Человека, который приближался к нему от аэрокара, звали Диего Моран, по кличке Динго. Это была первая серьезная работа Хорхе Луиса Кавареса. Он был молод, и ему впервые доверили крепкий орешек, который до этого оказался не по зубам более опытным коллегам.

Диего Моран был убийцей. Сначала никто не знал кто он такой, и как его зовут. Происходили убийства, причем смерть к жертвам проникала через компьютерную сеть. Там, в паутине Интернета, будущие жертвы знакомились с человеком, который выступал в чатах и в форумах под псевдонимами, взятыми из классических детективных произведений. То он именовал себя профессором Мориарти, то падре Брауном, то выступал как мисс Марпл, то представлялся Арчи Гудвином, то скрывался под именем Марка Гирланда. Характерный почерк не трудно раскрывался. Беда оказалась в том, что догадаться, кто такой Марк Гирланд или Арчи Гудвин средний полицейский-латинос был не в состоянии. Не все знакомы с классикой детективных романов. А в форумах знакомств мелькало такое количество имен и ников, что отследить иско-мое было так же трудно, как выловить в озере, заполненном колонией окуней, карася.

Диего Моран убивал одиноких женщин или девчонок, которые еще не успели обзавестись собственным разумом. Именно такой контингент в основном и искал счастья на форумах знакомств.

Хорхе Луис решил ловить на живца – он считал, что только таким путем реально изловить злодея. Для этой цели Рино Родригес, напарница Кавареса, сделала несколько предельно откровенных голографий, которые должны были выступить в роли приманки. Вдвоем с Хорхе они сочинили письмо в стиле «одинокая женщина, истосковавшаяся по мужской ласке, желает познакомиться» и стали ждать появления в сети очередного детективного ника.

Его вычислил Хорхе. На этот раз Диего Моран назвался именем Глебски. Хорхе Луис попытался вычислить, кому принадлежит электронный адрес, но почтовый ящик был зарегистрирован на Уильяма Шекспира и находился где-то в России. По таким данным, понятно, убийцу не вычислить. Родригес отправила Глебски письмо, в котором предложила встретиться на нейтральной территории, в качестве каковой был избран отель «Карлито». В нем на имя Родригес забронировали номер.

Хорхе Луис и Рино устроили засаду, в которую Диего Моран и угодил. Каварес застрелил убийцу. Он всадил в него целую обойму. Одна из пуль угодила в голову. В смерти Диего Морана не было никаких сомнений...

В то же время Диего Моран подошел к веранде, на которой сидел Хорхе Луис, ухмыльнулся дьявольски и спросил:

– Что, лягаш, не ожидал меня увидеть?

– Ты должен быть мертв! – дрожащим голосом произнес Хорхе Луис.

– Мне тоже так кажется, – согласился Диего, поглаживая волосатое пузо. – Но, как видишь, я цел и невредим. Или, быть может, ты попал в ад, лягаш? В таком случае тебе может не поздоровиться. Я не прощаю никогда! Тем более тех, кто пытался меня замочить.

Хорхе Луис готов был согласиться с версией Диего. Каварес вполне мог тихо скончаться, сам того не заметив, сидя на веранде своего бунгало и попыхивая трубкой. А теперь он находился в другом мире, в котором Диего Моран мог свободно летать на аэрокарах и носить джинсовую куртку на голое тело.

– Все бы хорошо, но я жив и так же реален, как твой застарелый геморрой. И я очень недоволен тобой!

Хорхе Луис догадывался, с какой целью мог к нему явиться Диего Моран, но его револьвер тихо ржавел в кобуре, висящей в спальне на стене, а охотничье ружье находилось в чулане. Хорхе даже не знал, где для него патроны.

Диего расплылся в колючей улыбке, распахнул полу куртки и достал лучевой пистолет, похожий на модернизированный фонарик.

– Ты мне задолжал, лягаш, и я пришел забрать долг!

Моран направил на старика лучевик.

Хорхе Луис Каварес не почувствовал страха. Он даже не успел толком удивиться тому, что к нему пришел мертвец, желавший поквитаться за собственную гибель.

Каварес был полицейским. Он сопротивлялся до конца.

Хорхе упал с креслом на пол и выкатился из него. В ту же секунду кресло вспыхнуло, когда по нему лучом полоснул Моран.

– Крыса решила побегать! – хохотнул Диего, и следующим выстрелом проделал в стене отверстие размером с кулак.

– Далеко не уйдешь, сука! – предрек Моран.

Новый выплеск излучателя ударил Хорхе в грудь, прожигая в ней дыру. Крови не было. Кости оплавившись. Мышцы обуглились. И только обнажившееся сердце заплакало кровью...

Каварес упал на дощатый пол. Его сознание угасло, как разгулявшийся вулкан во время Всемирного потопа. И последней мыслью в стертом сознании было удивление: его убил мертвец, собственноручно отправленный им на тот свет!

«Что за чертовщина творится в этом мире?..»

Глава 11

В ОТДЕЛЕНИИ

И надо же было так глупо попасться. Патрик клял себя за непредусмотрительность. Вылететь на полицейского, упрятав баллончик с краской в рюкзак, хотя кто мог предвидеть, что полицейский вместо того, чтобы преследовать странного человека, станет его обыскивать. Теперь же мало того, что Патрик оказался в районном отделении полиции, где пока что не решили, что с ним делать, к тому же и человека с красным платком упустил. А ведь за этим событием явно крылось что-то таинственное, что недурственно было бы попробовать на зубок.

Патрик находился в районном отделении вот уже два с половиной часа. О принятии в ряды Клуба можно было забыть. Максим Кривой не простит ему провала верной операции, да и рисунка было жалко. Хорошо, что Патрику удалось запечатлеть рисунок, так у него хоть появился шанс не пропасть. А Патрику очень не хотелось, чтобы его мечта исчезла, отправилась на переработку и так и осталась никому не известной и не нужной.

Районный участок № 28 в начале ночи был заполнен людьми, словно приемный покой скорой помощи в разгар праздника. Люди в форме и в штатском сновали из кабинета в кабинет, спускались на лифте на этаж арестантской, откуда поднимались уже с задержанными. Несколько раз взывала сирена тревоги и к лифту пробегала группа захвата в боевой броне с автоматами наперевес. Лифт доставлял их на парковку, что располагалась на крыше, откуда через некоторое время к району происшествия, вылетал грузовой темно-синий полицейский флаер.

Патрик сидел в кокон-кресле, пристегнутый наглухо, так что даже пошевелиться не мог. Онемение медленно распространялось по телу. Патрик уже почти не чувствовал собственных рук и ног. Это превращалось в пытку.

Несколько раз он пытался привлечь внимание дежурного, сидящего за пуленепробиваемым стеклом, но молодой полицейский с нашивками сержанта был слишком занят экранами слежения, транслировавшими картинку с вверенных отделению участков улиц, проспектов и дворов.

Постепенно Патрик убедился в том, что о его существовании забыли. Въедливый сержант, доставивший его в отделение, исчез за дверью с табличкой «Дежурная комната», но обратно так и не появился. Произошло это без малого три часа назад.

Патрик представил, что за коричневой дверью со стандартной надписью скрывается портал в другое измерение, который открылся в тот момент, когда легавый (так полицейских называл его отец) otvorил дверь, и тотчас схлопнулся за спиной незадачливого копа. Патрик явственно увидел, как господин Проныра в погонах сержанта оказывается в незнакомом ему месте, где-нибудь посередине непроходимых джунглей, напичканных смертоносными сюрпризами в виде саблезубых тигров, кровожадных подземных червей, улавливающих жертву по тепловому излучению, и хищных лиан, вынырывающих из гущи листвы, когда их никто не ждет. Сержант Проныра оборачивается, намереваясь сбежать назад в участок из этого кошмара, но кошмар продолжается – двери нет! Она исчезла. Его со всех сторон обнимает девственный лес. И господин Проныра чувствует, что лес чрезвычайно голоден...

– Эй ты, пацан, – раздался окрик, который вывел Патрика из мечтательного оцепенения, – оторви свою задницу от кресла и дуй в восемнадцатую комнату, там уже приготовили ремень для тебя!

Из окошка дежурки высунулся сержант, которому несколькими минутами ранее не было никакого дела до паренька.

– Я не могу. Я же закован, – робко напомнил легавому Патрик.

Полицейский потер нос, долбанул кулаком по пульту управления и кокон-кресло раскрылось, выпуская мальчишку на волю.

– Не пытайся сбежать. Это не реально, сопляк. Мой тебе совет.

Патрик, понутив голову, отправился к месту «казни», которая ожидалась по адресу: комната номер восемнадцать. Комната эта находилась напротив коричневой двери, где скрылся пронырливый сержант. Открыв дверь, Патрик осторожно постучал по дверному косяку и несмело поднял взгляд.

– Можно? – спросил он.

– Заходи! – рявкнул арестовавший его полицейский.

Он сидел за письменным столом из голубого металла перед плоским экраном монитора. На его руках были надеты тончайшие прозрачные перчатки с сенсорами. Ими он управлял развернутыми на экране документами. На голове полицейского красовался шлем с усиками антенн прямого подключения к полицейской сети.

Помимо сержанта в кабинете находился еще один полицейский. Молодой парень, лет двадцати, по всей видимости, практикант. Он осторожно примостился на стуле, неподалеку от письменного стола своего наставника и строгим пронзительным взглядом разглядывал вошедшего.

Патрику стало неуютно под взглядом курсанта, но он все же вошел, доплелся до табуретки, которая стояла прямо напротив письменного стола господина Проныры и плюхнулся на нее с обреченным видом.

– Я разве сказал, что ты можешь сесть? – оторвав взгляд от экрана, спросил сержант.

Патрик поднялся с табуретки.

Он уже жалел, что вообще вызвался пройти вступительные испытания в Клуб. Лежал бы сейчас в теплой постели и тихо посапывал бы в свое удовольствие.

– Можешь сесть! – рявкнул сержант.

Ноги Патрика подкосились, и он упал на табуретку.

– Меня зовут Павел Васильевич Лешаков. Теперь твоя очередь.

– Моя чего? – переспросил Патрик, чуть наклонившись вперед.

– Твое имя, фамилия, откуда ты родом, кто твои родители?

Патрик послушно ответил на вопросы, понимая, что увяз по самые уши. Как теперь выпутаться из этой ловушки, в которую угодил по собственной глупости?

– Кто тебе приказал изуродовать кабину лифта на стоянке таксомотора? – рявкнул сержант Лешаков.

– Я не уродовал кабину, – попытался осторожно возразить Патрик, но получил в ответ яростный взгляд и новый рык.

– Брось мне врать! Кто приказал тебе изуродовать кабину лифта?

– Павел Васильевич, а вам не кажется, что нужно вызвать его родителей? Он же сопляк, что с него взять? Мозгов своих нет, вот он и... – робко попытался вступить за Патрика курсант.

– А ты что, ему в адвокаты нанялся? – обратил свой гнев на стажера Лешаков. – Ты чего за него заступаешься? Да у меня из-за этих долбанных художников, которые своими погаными картинками все улицы засрали...

– Это не поганые картинки! – вскочив с табуретки, возмутился Патрик, внезапно обретя смелость.

– Нет, ты посмотри: совсем молокососы оборзели?! Я сказал поганые, значит поганые! Ты как в «малевичи» записался?

– Я не понимаю, о чем вы? – опутившись обратно на табурет, ушел в полную несознанку Патрик.

Курсант бросил на него восхищенный взгляд: совсем малец, а психологический прессинг сержанта вроде бы даже не замечает.

– Ладненько. Я вызываю твоих родителей! И завожу уголовное дело по фактам: умышленное причинение ущерба государственной собственности, совершение умышленных хулиганских деяний. Твои предкам это влетит в кругленькую сумму! – пообещал сержант. – Леха, будь другом, отведи этого малолетнего уголовника к экспертам, пусть они откатают его по всем параметрам и занесут в уголовную базу.

Затем Павел Васильевич Лешаков обратил свой взгляд к мальчишке и изрек сакраментальную фразу, которую Патрику суждено было запомнить на всю жизнь.

– Тот, кто однажды вступил на скользкую дорожку, обязательно на нее вернется и как следует наследит.

Курсант поднялся исполнить приказание сержанта. Он приблизился к Патрику, хлопнул его по плечу и предложил:

– Пошли, что ли?

Когда они оказались за дверью, парень улыбнулся Патрику и попытался успокоить.

– Ты не бойся, это тебя господин сержант просто пугает. Не так все страшно. Он у нас вообще грозный. Сейчас мы пальчики откатаем, снимок сетчатки сделаем, слепок зубов и анализ крови, а также ... о черт! – курсант хлопнул себя по лбу. – Подожди, я сейчас вернусь: сержант забыл постановление выписать о направлении в экспертную лабораторию. Посиди пока здесь. Это минутное дело.

Курсант усадил мальчишку в кокон-кресло, но застегивать арестантские ремни не стал, а бегом отправился назад в восемнадцатую комнату.

Патрик чувствовал, что поступает глупо, но его разум спасовал перед страшными фразами «уголовное дело», «откатаем пальчики», «кругленькая сумма», хотя главный ужас заключался в анализе крови, что заставляло его дрожать, вспоминая, как игла протыкает вену и как столбик крови медленно вползает в стеклянную капсулу.

Насилу удержав себя в сознании, Патрик поднялся из кресла-кокона и, оглянувшись по сторонам, точно вор, только что укравший палку копченой колбасы с прилавка нерадивого продавца, медленно, бочком-бочком двинулся в сторону выхода.

Он почти достиг цели, когда дверь восемнадцатого кабинета распахнулась, и от сержанта выскочил курсант с подписанным постановлением в руке. Заметив Патрика, парень окликнул его:

– Эй, пацан, да постой ты!

Патрик перестал таиться. Теперь к нему было обращено внимание всех, кто находился в вестибюле отделения милиции. Он ускорил шаг и был уже возле дверей, когда взвыла сирена тревоги.

Курсант завопил:

– Стой, дурак!

И тут сверху на Патрика упала силовая клетка, остановив его в метре от свободы.

Сирена выла истошно. Из кабинетов выскакивали люди в форме. Поднялся шум.

Патрик ошарашенно крутил головой, пытаясь сообразить, отчего это из-за него одного поднялась такая сумятица, но вскоре понял, что к сирене он не имеет никакого отношения. А силовая клетка упала по мановению руки дежурного за бронированным стеклом.

Появились восемь полицейских в черной броне со шлемами, забрало поднято наверх. Они были вооружены автоматами и легкими ружьями, стреляющими электрическими разрядами. Бойцы промчались по вестибюлю в сторону лифтов.

– Чего там? – раздавались со всех концов вопросы.

– Хренотень опять какая случилась!

– Да, верняк, братва схлестнулась!..

Поток версий был остановлен громыхнувшим из звукоусилителя голосом:

– На Московском проспекте возле мемориала Победы произошло убийство. Скорее всего, это дело рук Чернеца. Есть возможность взять его с поличным!

Силовую решетку сняли. Патрика выпустили на волю под надзор стажера Лехи, который ни слова не сказал ему о попытке побега.

Родители получили своего сына через полчаса после того, как появились в отделении. Они прилетели сразу же, как только сержант Лешаков сообщил им о местонахождении чада.

Патрик все же прошел через лабораторные муки. С него сняли отпечатки пальцев, сделали снимок сетчатки правого глаза, а затем, посчитав, что этого мало, ту же процедуру совершили и над левым глазом. Затем у Патрика сделали забор крови для получения образца ДНК в личное дело. В заключение Патрику подвесили на правое ухо с внутренней стороны крохотную пуговку датчика. Датчик был невидим для постороннего глаза, но благодаря ему сотрудники полиции всегда знали, где находится их подопечный, поставленный на учет.

Когда Патрик появился перед родителями, он выглядел настолько убитым, что отец, смерив его строгим взглядом, заявил:

– Утром у нас будет серьезный разговор! А пока – домой и спать!

Мать же притянула сына к себе, обняла и поцеловала. Она уже настрадалась за этот вечер и была счастлива от того, что Патрик вернулся цел и невредим. О педагогике и воспитании она в этот момент не думала.

Семейство Брюкнер дружно отправилось домой.

Глава 12

ТАЮЩИЙ ДОМ (... идет Волна...)

Волна катила Изменения.

Волна росла и распространялась с ужасающей скоростью.

Волна поглощала мир.

Марк Паркинсон завтракал десять минут. Ровно столько было у него отведено на это в ежедневнике. Секунда в секунду он допил кофе, аккуратно сделал три оборота чайной ложкой вокруг чашки – ритуальное действие – и поднялся из-за стола.

В доме он вставал раньше всех и уезжал еще тогда, когда Триша, жена, и Хлоя с Денисом, дочь и сын, не покидали постелей. Он тенью скользил по дому, стараясь не создавать шума, собирал бумаги с рабочего стола, укладывал их в портфель, завтракал на кухне и тихо выходил из дома, предварительно одевшись в холле.

Выведя из гаража современный аэрокар марки «Мерседес», купленный в кредит двумя неделями ранее, он, чтобы не разбудить семью, отъехал на пятьсот метров от дома, запустил программу автопилота и взмыл в небо.

Марк Паркинсон работал в компании, осуществлявшей океанские перевозки товаров из США в страны Евросоюза и Ближнего Востока. Компания возила все: от куриных окорчочков до джинсов «Левайс». Поставки осуществлялись крупнотоннажными аэрокарами и по грузовой ветке океанского метро. Офис компании располагался в Нью-Йорке на сто восемьдесят шестом уровне комплекса «Башни-близнецы», где занимал целый этаж. Парковочная площадка на крыше комплекса не вмещала всех желающих оставить кары, поэтому Марк, зная извечную проблему с нехваткой свободного места на парковке, оставлял свой аэрокар в воздушном гараже комплекса «Роял-билдинг», соседствующего с «Башнями-близнецами». После чего спускался с трехсотого этажа на скоростном лифте, преодолевал пешком двести метров до своего здания, проходил сквозь холл и на скоростном лифте поднимался в офис.

Марк Паркинсон, будучи от природы чрезвычайно педантичным человеком, каждое свое движение выверял до секунды. Время, которое он тратил на то, чтобы припарковать аэрокар на площадке «Роял-билдинга», время, затраченное на спуск с трехсотого этажа и на преодоление расстояния от одного комплекса до другого, время, что уходило на подъем скоростным лифтом в офис – все было сосчитано и тысячи раз выверено. Рабочий день Марка Паркинсона всегда начинался одинаково.

Первое событие, нарушившее отработанный график, случилось при подлете к парковке «Роял-билдинга». Небо было заполнено аэрокарами. Паркинсону никак не удавалось перестроиться и пойти на снижение к воздушной парковке. Зажатый со всех сторон, он пролетел мимо «Роял-билдинга» и только через две улицы сумел вырваться из тисков парящих в воздухе машин. На возвращение к комплексу было затрачено пять лишних минут. Естественно, и весь график сдвинулся на злосчастные минуты, и Марк медленно, но верно приходил в состояние закипания. Впервые за последние восемь лет его распорядок оказался нарушен, и он не мог ничего сделать, чтобы исправить положение.

Когда Паркинсон добрался до воздушной парковки, обнаружилось новое обстоятельство, еще более нарушившее его душевное равновесие. На парковке не оказалось ни одного свободного места, точно весь город слетелся в деловой центр только ради того, чтобы поставить жирный крест на жизни Марка Паркинсона.

Марк завис над парковкой, чувствуя, как бешенство подбирается к его разуму, и стал ждать, когда освободится место. Вообще-то ждать можно было до бесконечности. «Роял-билдинг» вмещал в себя как бизнес-центр, в который регулярно слетались рои пчел-аэрокаров, так и галерею элитных магазинов, занимавших средние этажи трехсотэтажного исполина. Посетители супермаркетов с нижних этажей так же оставляли воздухоплавательные средства на парковке, чтобы в свое удовольствие прогуляться по магазинам в сопровождении робота-носильщика, которого можно было нанять прямо на парковке.

Парковочное место освободилось через две минуты. Марк неторопливо направил аэрокар на посадку, сетуя в душе на то, что его рабочему настроению нанесен непоправимый урон, когда мимо проشمыгнул маленький юркий катер, ощутило царапнув его бортом, и плюхнулся на свободное место.

И тут Марк взревел диким котом. Мало того, что какой-то нахал пролез на парковочное место без очереди (уже за одно это его следовало бы распять на бампере его же кара), так он еще и поцарапал его, Паркинсона, машину! Ярость застила глаза Марка. Он мгновенно вспотел, пришлось лезть в бардачок за носовым платком, чтобы утереть нервный пот.

Паркинсон прикинул, во сколько ему обойдется покраска крыла аэрокара, и покрылся новой волной пота. В душе назрело желание посадить машину прямо на катер наглеца. Раз уж все равно крыло поцарапано, то не велика будет убыль, если на днище появится несколько новых ссадин.

В это время наглец выбрался из катера и развязной походкой пьяного фермера направился к лифтовой площадке.

Паркинсон побледнел и потянулся к сенсорной клавиатуре бортового компьютера. Вызвав виртуальный ежедневник, он попросил его связаться с кабинетом своего психоаналитика, чтобы забронировать время между четырьмя и четырьмя пятнадцатью вечера. Спустя несколько секунд Марк получил ответ, что это время, к сожалению, уже занято. Виртуальный ежедневник Чарльза Городецки предложил виртуальному ежедневнику Марка Паркинсона два варианта. Первый – свидание между четырьмя часами дня текущего и четырьмя пятнадцатью следующего. Второй вариант – между двенадцатью и двенадцатью сорока утра, так же следующего дня.

Паркинсон разозлился. Его не устраивали оба варианта. Специалист требовался ему немедленно! Если ему не будет своевременно оказана специализированная помощь, то какими могут оказаться последствия, Паркинсон не брался даже предсказать. Сколько было случаев, когда «временно сорвавшийся с нарезки» подросток похищал у папаши револьвер и брался за отстрел в школе всех негодяев до кого успевал добраться. Выругавшись матом, Марк тут же получил счет штрафа за нецензурные выражения в общественном месте. Паркинсон ошарашенно распечатал полученный счет и заозирался по сторонам. О том, что у аэрокара открыто окно на передней двери, он совершенно забыл. Если бы окно было закрыто, Паркинсон не получил бы счет на десять долларов. Ну, что бы не закрыть окно и ругаться бы матом в свое удовольствие!

Штраф нужно было оплатить в ближайшие три дня.

Марк понимал, что у него оставались мизерные шансы сохранить здравый рассудок в этот перевернутый с ног на голову день. Но он сделал последнее усилие над собой и аккуратно посадил аэрокар на освободившуюся площадку. Оплатив парковку, Паркинсон выбрался из машины, запер ее и направился к лифту.

Спуск с трехсотого этажа поначалу не причинил ему особенных неудобств. Марк стойчески выдержал остановки на двести восьмидесятом этаже, на двести семьдесят пятом этаже, на двести шестьдесят девятом и двести шестьдесят восьмом, но когда лифт стал останавливаться практически на каждом этаже, Паркинсон занервничал, покусывая нижнюю губу и сверкая глазами на входящих пассажиров.

Не выдержал он на двести сороковом этаже. Когда в кабину попытался войти элегантный безусый хлыщ, Марк церемониться не стал. Он с силой толкнул молодого человека руками в грудь, вышвыривая его из кабины, и ударил кулаком по кнопке безостановочного движения. Двери закрылись, и кабина тут же выдала ему предложение оплатить дополнительную услугу «безостановочного движения». Скрипя зубами от злости, Паркинсон сунул в прожорливую щель терминала, расположенного под кнопками управления, кредитку и позволил снять с нее пять долларов.

Кабина ухнула вниз и стала набирать скорость.

Паркинсон нервно перетаптывался с ноги на ногу и позевывал в потолок.

Через несколько минут движение замедлилось, кабина остановилась и раскрыла двери. Приятный женский голос, показавшийся в это утро Паркинсону донельзя противным, пожелал ему удачного дня.

– Да пошла ты!.. – тихо огрызнулся Марк и замер, втянув голову в плечи, ожидая нового штрафа.

Но возмездия почему-то не последовало.

Паркинсон выскочил из кабины, пробежал через холл «Роял-билдинга», вывалился через старомодные вращающиеся двери на улицу и тут же увяз в толпе.

На улице толпилось столько народу, сколько Марк, наверное, не видел за всю свою жизнь. Превозмогая начавшийся приступ человеконенавистничества, Паркинсон вклинился в толпу и стал медленно пробираться на другую сторону улицы.

На борьбу с толпой он потратил восемь минут.

Добравшись до родных дверей, Марк выбрался из толпы и окунулся в безлюдную прохладу холла комплекса «Башни-близнецы». Он ощутил несоизмеримое ни с чем блаженство; злость, раздражение медленно отступили из сердца.

Кабина лифта оказалась свободной, хотя в этот зловредный день можно было ожидать чего угодно, вплоть до полного демонтажа лифтового оборудования.

Марк вздохнул облегченно и уже в благостном расположении духа вошел в кабину. Поднимаясь вверх, лифт сделал всего две остановки, вобрав в себя трех человек, и Паркинсон перестал переживать о нарушенном графике. Он успокаивал себя тем, что раз в жизни и слон может позволить себе испугаться.

Марк Паркинсон рано успокоился. Он добрался до сто сорок первого этажа, когда кабина остановилась и стала мерцать.

Паркинсон судорожно сглотнул, чувствуя, как призрак катастрофы вновь навис над его бедной головой. Кабина висела неподвижно, и только стены продолжали мерцать, становясь на время прозрачными.

В кабине находилось трое незнакомых Паркинсону людей. Марк не знал их, поскольку его распорядок дня не совпадал с графиком этих людей. Их офисы располагались выше офиса Паркинсона. Когда Марк приезжал на работу, они еще только садились в свои кары.

Паркинсон вдруг остро осознал, что не хочет умирать с незнакомыми ему людьми.

Паника накатила на него тогда, когда стоящий рядом бородатый мужчина внезапно исчез. Но панике так и не удалось разрастись, поскольку стены кабины окончательно стали прозрачными и Марк увидел, что кабина висит в пустоте. Мимо пролетела какая-то птица, но вокруг никаких этажей и офисов в помине не было.

«Башни-близнецы» прекратили свое существование.

В следующее мгновение кабина лифта также растворилась в воздухе. Несколько секунд Марк Паркинсон висел в пустоте, а затем провалился вниз. Он летел с ускорением, не понимая, как такое могло с ним произойти? Столько неприятностей – и в один день.

Подле него с траурным видом летели двое мужчин. Один за другим они лопнули, исчезнув в пустоте. Марк остался в одиночестве.

Он вспомнил Тришу и испытал острый приступ любви. Паркинсон сглотнул слезу. Хлоя и Денис проскользнули перед ним. Стало обидно и страшно умирать.

Но страх не успел захватить его сознание.

Марк Паркинсон приближался к кишасей внизу людской массе, затопившей окружающие улицы, когда вдруг исчез так же внезапно, как и его компаньоны по несчастью.

Он исчез, чтобы появиться в другом месте в это же самое время с начисто свободной от происшедшего памятью. С другой судьбой, с другой жизнью, ничего не подозревающий о том, что несколькими минутами ранее у него была жена Триша, а не Филомела, и двое детей, которых он так и не дождался от Филомелы вследствие ее бесплодия.

Марк Паркинсон так и не узнал никогда, что по его судьбе прокатилась Волна, изменяющая реальность.

Глава 13

ПОМНИТЬ ВСЕ

Яровцев поднялся в книжную залу, где и застал Костарева. Семен сидел за рабочим столом Папы и, подперев голову руками, молчал, неподвижным взглядом созерцая книжный стеллаж.

– Что дал осмотр? – траурным голосом осведомился он.

Ярослав приблизился к столу, отодвинул одно из кресел и плавно в него опустился.

– Я не знаю, с чем мы столкнулись, но у меня в носу застрял явный запах серы, – произнес он.

– Это ты к чему? – не понял Костарев.

– Дьявольщина это все! – Яровцев вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо газетный листок. – Вот посмотри. Это дал нам Папа. Здесь статья из газеты, которая должна была появиться только завтра. И в этой статье Иван Столяров мертв. Вот здесь даже заретушированная фотография головы Столярова, которая какое-то время жила отдельно от тела. Потом происходит нападение на резиденцию Папы. В бою кого ранило, кого поубивало. Далее – повальная потеря сознания, а когда все очнулись, нападавших и след простыл. Раненые чудесным образом исцелились. Мертвые воскресли. Бред? Сущий бред! Но это произошло! Что мы видим дальше? Столяров тоже чудесным образом воскрес, но это нас уже смущает мало, поскольку после того, как твои друзья, которым понаделали дырок в голове, через полчаса продолжают с тобой общаться, вообще трудно чему-либо удивляться. Что мы получили в итоге?

– Папа с сердечным приступом в больнице. После устранения Столярова наши акции резко поползли вверх, а после того, как все вернулось назад, мы выпали в минус. Теперь вообще сложно что-либо расценивать. Но на месте Боголюбовых я бы попытался нас схарчить. Мы сейчас очень легкая добыча.

– Боюсь, что этим все и обернется. Войны нам не избежать, – согласился с выводами Костарева Ярослав. – Но мне все равно непонятно, как все так получилось? Ведь это не поддается логическому объяснению!

– Почему не поддается? – возразил Костарев. – Жнец не убил Столярова, а распустил слухи о его смерти. Чтобы подкрепить свою позицию и получить деньги, он запустил дезу с исправленными фотографиями в газету. Проплатил колонку – и все дела.

– А нападение на усадьбу с последующим воскрешением?

– Наведенная галлюцинация, – развел руками Костарев. – А чем не вариант? По крайней мере, это все объясняет.

– Допустим, – неохотно согласился Ярослав. – Галлюцинация, но как тогда объяснить то, что я видел возле ограды по периметру Папиного поместья?

– И что ты видел? – насторожился Костарев.

Яровцев подробно рассказал о явлениях, с которыми ему и звену охраны довелось столкнуться. Особо он акцентировал внимание на состоянии панического страха, которое вызывала подозрительная плесень и грибы-мутанты, найденные им в изобилии.

– Как говорила Алиса, все страньше и страньше? – задумчиво произнес Семен.

– Кто говорил? – не понял Яровцев, слабо знакомый с литературными персонажами детской классики.

– Не важно, – отмахнулся Костарев. – Но то, что ты рассказал, честно говоря, вызывает у меня мурашки по коже. Плесень... Грибы... Может, это радиация?

– Вряд ли, – не согласился Ярослав. – Костюмы охраны не сработали. Там есть счетчик Гейгера.

– Тогда я ничего не понимаю в этом маразме. Может, ты что поймешь?

– Я так же в тупике, как и ты! – отрезал Ярослав.

– Что будем делать дальше? – спросил Семен. – Нам нужно что-то предпринять. Выработать единую стратегию дальнейшего поведения. Какие будут предложения?

– Сначала нужно найти Жнеца и взять его в оборот. Думаю, что ему есть что нам рассказать. По крайней мере, он может объяснить, что произошло с этим бизнесменишкой.

– Это ты правильно удумал, – одобрил идею Костарев.

Сотовая трубка Ярослава разразилась камнепадом, именно этот звук был записан в качестве звонка. Яровцев достал трубку, раскрыл ее и откликнулся на звонок. Из тьмы экранчика вынырнуло лицо Сергея Зубарева, изрядно встревоженное, и сразу же огорошило новостью:

– Папа скончался!

Ярослав разорвал соединение и опустошенным взглядом уставился на Костарева.

– Я все слышал, – ответил тот.

Повисло молчание.

Костарев и Яровцев понимали, чем для них в нынешней ситуации может обернуться смерть шефа. В то время как позиции Боголюбовых изрядно укрепились – тиран оказался свергнут. Теперь партия Папы потеряла свой главный козырь. А как прикажете выжить империи без Александра Македонского, Юлия Цезаря или Суллы? Положение было катастрофическим. Нужно было срочно принимать какое-либо решение. И действовать. Ярослав видел только один способ не быть выбитым из седла – вынести из седла противника. Как говорится, лучший способ защиты – это нападение.

– Кирдык! – пробормотал Семен.

– Резиденция и все хозяйство оформлены на компанию «Гарда». После смерти Папы кому это перейдет?

– Его сыночку. Восемь лет сопляку. И его мамашке – дуре... Нам нельзя выпустить бразды правления из своих рук. Мы должны остаться здесь! Наша главная задача не дать загнуться семье. Семья должна выстоять во что бы то ни стало. А для этого... – Костарев поднял трубку стационарного телефона и нажал цифру «2». – Мы должны провести экстренный совет с мамашкой. Она должна въехать в ситуацию, – зажав трубку рукой, сказал он. – Елена Ивановна, доброй ночи, извините, что отрываю от сна, но у нас есть пренеприятная новость. Михаил Михайлович скончался от сердечного приступа. С ним стало плохо, отвезли в больницу, а там он, не приходя в сознание...

Несколько минут Костарев сидел с меланхолично-мечтательным выражением лица, выслушивая всхлипывания вдовы.

– Елена Ивановна, примите мои искренние соболезнования, – перебил наконец он ее излияния, – но нам есть что обсудить немедленно. Смерть Михаила Михайловича это трагедия, но мы-то живы. Жива его империя! Мы не должны дать ей развалиться. А для этого нам стоит выработать совместную стратегию по борьбе с конкурентами.

Семен умолк и пару минут пребывал в состоянии замешательства.

– Хорошо... хорошо, – бормотал он себе под нос.

Яровцев заскучал.

– Давайте мы пошлем за вами машину, и она доставит вас в поместье. Нам сейчас нужно быть вместе. После этих событий можно ожидать любой подлости от конкурентов. Они наверняка попытаются ударить. Почувствовав, что семья слаба, они постараются этим воспользоваться.

Семья шефа жила отдельно от поместья. Здесь же была его деловая резиденция. Частенько он находился на территории поместья днями и ночами, которые могли растягиваться в недели. Семья же обитала в роскошной квартире, находящейся в элитном жилом комплексе «Северный ветер», что высился на Петроградской стороне на берегу Невы. Это Папа был про-

тив, чтобы семья и работа находились в одном месте. Семья всегда была под присмотром охраны и ее спокойствию никогда ничего не угрожало.

Костарев повесил трубку и печально посмотрел на Яровцева:

– Началось, мать их! Не вовремя Папашка умер. Ох, не вовремя! Столько дел нужно было завершить. А ведь я говорил ему, что Столярова этого мочить надо было, как щенка, чтобы не успел делов наворотить. Ему все жалко было бизнесменишку!..

Семен презрительно скривился, выражая свое отношение к нерешительности шефа.

Яровцев вытаращился на друга, как на трехглавого орла, увиденного наяву, и переспросил:

– Что значит, жалко?! А как же Жнец?

Настал черед удивляться Костареву:

– Какой Жнец?!

Ярослав смерил Семена насмешливым взглядом и спросил:

– Ты что издеваешься? Жнец, который убил Столярова, а затем все изменилось. Столяров ожил, а на поместье люди Боголюбова совершили нападение, которое закончилось тем, что мертвые ожили, а враг пропал...

Яровцев говорил и наблюдал за лицом Семена, которое растягивалось в насмешливой улыбке.

– И сказал Господь: встань, Лазарь, и иди, – процитировал Костарев.

Яровцев умолк и растерянно посмотрел на друга.

Он ничего не мог понять. Сначала он заподозрил Семена в том, что тот насмехается над ним, устроил дурацкий розыгрыш, а теперь потешается. Но потом Ярослав поймал совершенно серьезный взгляд Костарева и понял, что он и впрямь ничего не подозревает о том, что говорил ему Ярослав.

Яровцев тоже ничего не мог понять. Как могло произойти, что за двадцать минут он начисто забыл о событиях, имеющих гриф «особо важно»? Событиях, которые не укладывались в голову. Событиях, которые...

Каких событиях?

Яровцев почувствовал, что теряет нить размышлений, а вслед за ней из памяти исчезают куски жизни, точно из дырявого сосуда истекает масло. Ярослав напрягся, сморщился, словно высохший на солнцепеке гриб, обхватил голову руками и стал яростно тереть виски, прикрыв глаза. Он отчаянно сопротивлялся. Он не должен был забыть то, о чем помнил еще несколько минут назад. Он чувствовал, как «худеет» память, и усиленно сопротивлялся этому. Он не хотел потерять свои воспоминания. Ему представился каменный коридор древнего замка, пропахший мхом и плесенью, одна из стен которого была сделана из резины, и он, упершись в нее руками и лицом, пытается продавить. Резина прогибается, становится тонкой, так что он может видеть сквозь нее все, что находится позади стены, но рваться не желает. Яровцев потерял счет времени. Он перестал воспринимать реальность. Он усиленно боролся с резиновой стеной и вскоре почувствовал, как она поддалась. Резина растянулась и стала рваться.

Яровцев яростно рвал упругие края и пробивался вперед. Он зажмурил глаза, ощущая, как воспоминания возвращаются в него. Теперь он помнил все. Помнил, как Папа кинул через стол газеты с репортажем о смерти Столярова, помнил нападение на поместье, и как получил ранение, когда вокруг него гибли люди, помнил, как со звоном охраны они обходили территорию поместья, находя зоны плесени, распространяющей вокруг ужас, и грибы-мутанты.

И еще он понял, что никто больше, кроме него одного не помнит об этом. Эти события оказались стерты из памяти и Костарева, и Зубарева, и ребят, которые шли с ним бок о бок на врага, и охранников, которые проверяли с ним периметр, и даже самого Папы, будь он сейчас жив.

Ярослав раскрыл глаза и увидел, что лежит навзничь на полу. Над ним склонился Костарев, вид у него был взъерошенный, словно он только что преодолел полосу препятствий для прохождения конкурса на вакантную должность охранника поместья. Рядом с Костаревым стоял доктор Ливси, так все звали жизнерадостного толстячка-доктора с большими черными усами «а ля Сальвадор Дали» и огромными очками с сильными линзами, указывающими на то, что доктор Ливси слеп как крот. Настоящее имя доктора никто не знал. Обитал он на территории поместья. За их спинами маячил кто-то из числа охранников и obsługi.

– Вот он уже, дорогуша, и в сознании. Это хорошо! Это радостно! – зашебетал доктор. – Даже укольчик не потребовался. Так что с бесами он самостоятельно справился. Экзорцист ему не нужен.

– Брат, что это с тобой? – спросил его Костарев. – Что это за представление было? Я уж думал: все, кранты, придется нового начальника охраны искать, а где еще такого найти? Брат, ты уж больше так не пугай. Будь друже!

Ярослав осторожно поднялся с пола, воспользовавшись протянутой рукой Костарева.

– Все в норме! – сухо сказал он.

Яровцев понимал, что больше он никогда не сможет доверять этим людям. Только что он прошел через испытание, которое навеки отделило его от остальных людей. Они забыли об Изменении, а в его памяти оно осталось.

Ярослав не понимал, что происходит, но чувствовал, что тот факт, что он выстоял, говорил о его исключительности. Он не такой как все. Он помнит *всё*!

Глава 14

РОКИРОВКА

(... идет Волна)

Волна катила свои изменяющие волны со скоростью тайфуна.

Волна была всемогущей.

Волна методично перестраивала реальность.

Иван вернулся с войны три года назад невредимым, с двумя излеченными ранениями, которые никак не сказались на его здоровье. Только изрядно хмурым и нелюдимым. Он сторонился людей, которые тут же стали отмечать эту особенность и судачить о его поведении. Старушки щебетали по старинке на скамейках перед парадными. Они так и не смогли привыкнуть к головизорам и тянулись друг к другу, пытаясь насытиться человеческим теплом и живым общением – не через экран.

– Смотри-ка, как Ваньку-то Скорикова на войне этой проклятушей покорежило! – неспешно говорила одна. – Помнишь, какой парнишка-то живой был: весь сам из себя, живой такой, понтовый. Девчонки с ума по нему сходили. А теперь бирюк бирюком ходит. Ни с кем не разговаривает. Не общается. Может, его там, на войне этой, в веру другую перекрестили? А?!

– А кто их знает-то? Может, и перекрестили, – соглашалась товарка, затем выдвигала свою версию: – А может, он наркоман?

– Да вроде незаметно как-то, чтобы он там по рынкам ошивался, где дурью разной торгуют.

– Дура ты старая! Это тебе не наше время, когда наркота химическая была, теперь она сплошь и рядом виртуальная. Можно и на рынок не ходить, подключись к прокси-серверу, скачай наркопрограмму и глушишь до полного посинения, – ерепенилась продвинутая старушка.

Подобные разговоры случались сплошь и рядом на ближайших к дому Ивана Скорикова улицах. Городок Углич, что красовался десятками церковных маковок на берегу полноводной Волги – реки-матушки, был маленьким, всего на полмиллиона жителей. Все друг друга знали, не то, что в мегаполисах – Петербурге, Москве, Ярославле, Екатеринбурге, – где даже соседи по лестничной площадке не знают друг друга, а лишь встречаются раз в год на новогодние праздники, когда случайно сталкиваются возле лифтовых кабин в разномастной компании гостей. В таких городках, как Углич, Мышкин, Козино, ничто не укроется от глаз общественности. Все разом встанут супротив чужой беды. Будут советы давать, да помогать, чем смогут. Поэтому такое событие, как добровольная вербовка в солдаты, да не просто солдаты, а боевые легионеры, не может остаться незамеченным.

Год назад весь город обсуждал, как трое друзей Мишка Нехорошев, Саня Котов и Иван Скориков завербовались в русскую армию в пехоту для прохождения службы в специальной дивизии «Усмирение», которая была сформирована, как русская часть, входящая в контингент войск Евросоюза и призванная нейтрализовывать очаги сопротивления всемирной глобализации и зачищать гнезда исламистов.

Что заставило Скорикова, Нехорошева и Котова вербоваться в дивизию «Усмирение» никто понять не мог, тем более что через месяц после того, как ребята подписали контракты и были переброшены на учебную базу «Усмирение-Панама», в Багдаде произошли два террористических акта: были взорваны посольства США и России – двух главных игроков на мировой политической арене. В срочном порядке две дивизии, «Усмирение» из России и «Техасские рейнджеры» из США, были заброшены в Афганистан, где по разведанным располагался центральный штаб исламистского объединения «Новый Талибан», который взял на себя ответ-

ственность за взрывы посольств. Никто и предположить не мог, что переброска двух дивизий выльется в полномасштабную войну, к которой исламисты были готовы, а русские и американцы – нет.

Скориков вернулся домой один.

Мишка Нехорошев подорвался на мине-лягушке при проведении точечного удара по горному району, обозначенному на американских картах как «Приют Ястреба», где предположительно должен был располагаться штаб объединения «Новый Талибан». На родину был доставлен пустой гроб, поскольку мина-лягушка начисто уничтожила Нехорошева, не оставив после него даже клочка.

Саня Котов погиб на кабульской улице. Они продвигались за спинами танков, которые с трудом разворачивались на городских улицах, но служили прекрасным укрытием для пехоты. Котов шел рядом со Скориковым, плечом к плечу: в руках полевой автомат «Калашников» с лазерным наведением и тепловым визором, на голове каска с расчетным модулем и легкая броня, прикрывающая грудь и руки. Стрелял снайпер, засевший на верхнем этаже полуразрушенного дома, мимо которого они продвигались. Пуля аккуратно вошла в экран наведения, который прикрывал глаза и нос и служил терминалом для бортового расчетного модуля, являясь тем самым ахиллесовой пятой бойца. Котов умер мгновенно. Пуля поразила мозг. Разъяренные солдаты, ведомые Скориковым, за три минуты зачистили дом, в котором прятался убийца. Снайпером оказалась девушка четырнадцати лет. Совсем еще ребенок. Что подвигло ее на то, чтобы взять в руки снайперскую винтовку и заниматься отстрелом солдат, рискуя собственной жизнью? Если бы она попалась солдатам живой, бойцы пустили бы ее по кругу и замучили бы насмерть. Скориков это понимал, поэтому застрелил девчонку, хотя шанс взять ее живой приближался к девяносто процентам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.